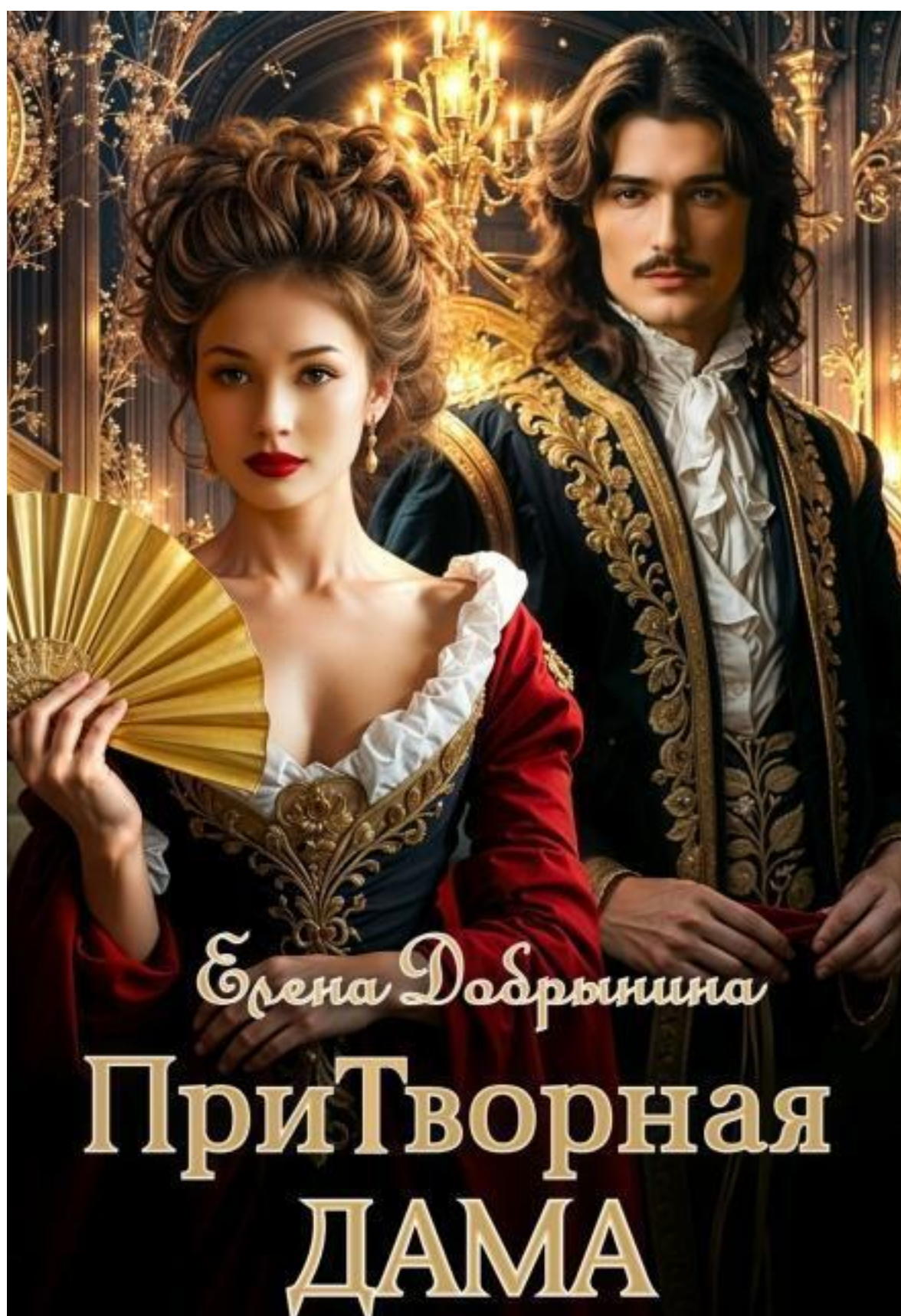

Елена Додрынина

ПриТворная ДАМА

Елена Добрынина
Притворная дама

«Литнет»

2025

Добрынина Е.

Притворная дама / Е. Добрынина — «Литнет», 2025

Книга 2. «ПриТворная дама»♥♥♥♥♥БУКТРЕЙЛЕР♥♥♥♥♥
Едва выжив после отравления соперницей, я покинула замок виконта д'Эстре и вместе с Этель затерялась в многотысячном Париже. Мы бы так и продавали мыло на рынке Сен-Антуан, если бы не счастливый случай и встреча с самим братом короля. Только вот, что лучше: тяжёлый труд на собственной крохотной мыловарне или полная интриг придворная жизнь? Особенно, если рискуешь оказаться на плахе по обвинению в заговоре против самого влиятельного королевского министра, кардинала Ришельё, покой которого бережет мой возлюбленный предатель...♥♥♥♥♥Книга 1. «Незнакомка» с Руанской дороги» живет тут:

© Добрынина Е., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1. Дом на улице Сен-Антуан	5
Глава 2. Рынок	8
Глава 3. Инкогнито	10
Визуалы и информация	11
Глава 4. Разногласия	14
Глава 5. Совет мадам Жермен	16
Глава 6. По дороге в Лувр	18
Глава 7. Испытание учтивостью	22
Глава 8. Мыло для королевы	25
Глава 9. Приватный разговор	28
Глава 10. На расстоянии вытянутой руки	30
Глава 11. Ночной визит	32
Глава 12. Письмо	33
Глава 13. Предложение, от которого не отказываются	35
Глава 14. В дорогу	37
Глава 15. Обитель	39
Глава 16. Монастырские порядки	42
Глава 17. Тяготы обучения	46
Глава 18. Ночные гости	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Глава 1. Дом на улице Сен-Антуан

Март 1626 г, Париж, фобур Сен-Антуан

Серое утро просочилось сквозь узкие, со свинцовыми переплётами стёкол, окна. Свет, ещё не тёплый, а больше похожий на тонкий туман, растекся по стенам и деревянным балкам под потолком.

Я открыла глаза, рассматривая обстановку, к которой почти привыкла за эти несколько месяцев. В проёме приоткрытого окна виднелись черепичные крыши, между которыми клубился дым от печей. По пронзительно голубому небу, что острым краем врезалось между крыш в прямоугольник деревянной рамы, плыли легкие облака – день обещал быть теплым. На улице стояло начало марта, и теперь все чаще уже дни были теплые, ясные и стало совершенно очевидно, что с зимой – слякотной, промозглой и сырой – покончено, по крайней мере, до ноября.

Где-то за стеной скрипнула дверь и раздалось глухое кашлянье, вероятно, это проснулся наш сосед – старый переписчик, господин Бертье. Я услышала, как на улице молочник поставил глиняные кувшины у порога дома. Тара гулко стукнула о каменную ступень крыльца, а затем послышались ожидаемые шаги мадам Жермен по первому этажу и скрип входной двери. Это значило, что хозяйка забрала горшки с молоком и скоро нас ждет свежий завтрак.

День начался.

Я сладко потянулась, и, зевая, села на кровати, спустив босые ступни на связанный из ветоши половичок – работу авторства Этель. Так ступать на холодный, дощатый пол у кровати было комфортнее. Выглянув из-за занавесок, что прикрывали постель на манер балдахина, я заметила, что моя названная сестрица уже проснулась и сидела на своей постели, закалывая волосы шпильками.

- Доброе утро, дорогая, пора вставать. – приветствовала меня подруга, и я ответила ей взаимной улыбкой.

Вот уже четвертый месяц мы жили в восточном предместье Парижа, что раскинулось за воротами Карла V, где в основном располагались мебельные и кузнечные производства, а также всяческие лавки и ремесленные мастерские.

Мадам Жермен, имени которой я так и не выяснила, ибо называли ее все исключительно по фамилии, - круглолицая, с цепким взглядом серых глаз широкоплечая женщина лет сорока пяти была вдовой купца и занималась производством свечей для местных жителей. Ее неизменное серое платье и чепец из небеленого льна, как и руки, пахли воском и медом. В подмастерье у купчихи ходил тощий и грязный мальчишка Пьер, отданный в обучение свечнице из крохотного городка на юге страны.

С самого утра на первом этаже дома слышался стук ножа и льющегося воска, а по помещению расходился запах горячего жира. Это вместе с Пьером мадам Жермен разливала по формам свечи. Время от времени хозяйка прикрикивала на ученика: «Не переливай, болван! Свечи будут кривые!» и могла даже стукнуть чем-нибудь тяжелым по столу в сердцах, но, несмотря на кажущуюся строгость, имела открытую и щедрую душу. Мадам Жермен не была зла и привыкла заботиться о тех, кто находился рядом, даже если ворчала при этом. Она не любила праздных людей и следила, чтобы немногочисленные жильцы в ее доме вели себя благопристойно.

Нас с Этель мадам полюбила, хотя поначалу и отнеслась настороженно. Понятное дело, две барышни, представившиеся сестрами из обедневшего дворянского рода дю Валь из глухой провинции, которые самостоятельно приехали в столицу, могли вызвать подозрение. Но, во-первых, перед отъездом подруга выправила у местного чиновника «сопроводительное письмо», подкрепленное «добрым словом» священника, который нас в лавку мадам Жермен и направил, а во-вторых, мы на практике доказали свои благие намерения и кроткий нрав – в

дом никого из посторонних не водили; с Паскалем, который иногда нас навещал, встречались исключительно на рынке или где-то в городе, в шумной толпе; зарабатывали своим трудом и регулярно посещали церковь – я вынесла свои уроки из того, что игнорировала сие заведение.

Дом купчихи стал нам надежным пристанищем. Здесь был приличный район и четкие правила, репутация свечницы казалась непоколебимой, такой же как и ее осанистый домик. Поэтому, если соседи и говорили, что *«у мадам Жермен живут две барышни»*, это звучало вполне прилично.

Моя названная сестрица условилась с хозяйкой не только об аренде одной комнаты в мансардном этаже, но и угла в лавке и выставляла там свое мыло, ароматное масло, духи и сушеные травы из запасов. В столице не было необходимости собирать сырье самой, и Этель, юркая и оборотистая, быстро сговорила с крестьянками из окрестных деревень, которые носили ей травы, специи и остальные нужные ингредиенты для создания своей линейки товаров.

Я помогала травнице с мылом, носила то продавать на рынок неподалеку, принимала заказы, расхваливая изделия Этель. Можно сказать, работала по своей специальности из прошлой жизни, являясь таким коммивояжёром. Мыло у нас и правда, было неплохим и, к тому же, не очень дорогим, поэтому довольно скоро набралась приличная клиентская база.

Кроме нас с Этель, мадам Жермен сдавала вторую комнату крепкого фахверкового дома пожилому переписчику, который брал частные заказы для местных купцов и даже переписывал закладные и всякие другие документы для нотариуса, что жил на соседней улице. Сама хозяйка обитала в небольшой комнатке позади лавки, рядом с кладовой, где хранился воск и другие составляющие для ее свечного дела.

Иногда мадам стучала к нам со словами: *«У меня остались яблоки, возьмите хоть пару, а то испортятся»*. А то предлагала забрать излишки еще каких-нибудь продуктов, аргументируя свою щедрость тем, что *«Париж не любит слабых и голодных»*. Иногда она баловала и Пьера, угощая лепешками и медом, но все-таки держала того в более строгих условиях, чтобы он был способен работать.

Вечерами, когда лавка закрывалась, мадам Жермен часто садилась с нами у камина поболтать - о соседях, о ценах на масло и воск, о том, как нынче беспокойно на улицах.

- Раньше, при Генрихе, всё как-то поспокойнее было, - говорила она, шевеля угли. - А теперь только и слышно: то заговор, то казнь... ну, дай Бог, Людовик наведёт порядок.

Постепенно наша жизнь наладилась.

Сбережений Этель хватило на уплату аренды на полгода вперед, выправку приличных, хоть и скромных нарядов, да на проживание. Затраты наши окупались быстро, и потихоньку крохотная мыловарня Этель даже начала приносить доход. Я мечтала заняться чем-то, что связано с вином, но головой понимала – это слишком рискованно. Чтобы реализовывать алкоголь, требовалось платить пошлины и входить в гильдию винных торговцев, а мне невозможно было выйти из тени.

Ведь, одно дело – девице с неприметной фамилией дю Валь торговать мылом на рынке и совсем другое – лезть на рожон, являясь к чиновникам, чтобы те выправили все необходимые документы. К тому же женщину никто не допустит к этому роду деятельности, но я все искала способы, чтобы быть хоть как-то связанной с торговлей алкоголем. В этом я хотя бы неплохо разбиралась. Однако мне было страшно начинать столь рискованное предприятие.

А еще мне отчаянно хотелось верить, что виконт Франсуа д'Эстре – виновник моих душевных терзаний, скорого побега из предместья Руана, тот, из-за которого я чуть не распрощалась с жизнью, пытался меня искать, хотя здравый смысл твердил об обратном. Первое время я пугалась любого упоминания о королевской страже, которая иногда проезжала через наш рынок или по шумной улице Сен-Антуан. Накидывала на голову капюшон поглубже, опускала голову в поклоне, чтобы не дай Бог не встретиться ни с одним из них взглядом. Но время шло, и я стала спокойнее относиться ко всему, что было связано с Франсуа. Хотя, признаться

честно, мне было жутко интересно, где он и чем занят. Но Паскаль навещался нечасто, да и спрашивать о виконте в открытую я бы не рискнула.

Поэтому пока мне приходилось довольствоваться скромной ролью помощницы Этель и почти каждое утро, кроме больших праздников и воскресных дней, отправляться на рынок Сен-Антуан, чтобы реализовать продукцию и, что самое важное, рассказать посетителям, где нас всегда можно найти, чтобы заказать необходимое количество мыла, благовоний и необходимых в хозяйстве трав.

Наскоро одевшись и умывшись приготовленной с вечера водой, мы спустились с Этель вниз по крутой деревянной лестнице, которая вела в довольно темный и тесный коридор, чтобы пройти на кухню и выпить там горячего кипятка с щепоткой трав. Чая, а уж тем более кофе, у мадам Жермен не водилось – напитки эти были слишком дороги, да и привычки, царившие в местной среде, не блистали изысканностью.

Хозяйка уже закончила с первой партией свечей и пока те стыли в формах, готовила для нас и старика Бертье невзыскательный завтрак. Он был прост – кусок пирога да стакан парного молока, что только-только принес разбудивший меня молочник.

- Доброе утро, девочки! – радостно приветствовала нас мадам Жермен, обминая тесто. – А я затеялась с пирогами, да паршивец Пьер все отвлекает от дел – не может справиться сам. И когда только научится моему ремеслу? Совсем нет в нем старания, только лень и желание валяться на чердаке без работы, да гонять голубей.

Мы украдкой переглянулись с Этель – хозяйка снова ворчала, но это ровным счетом ничего не значило, ибо это было всего лишь неотъемлемой чертой ее характера.

- Давайте, после завтрака я помогу вам с хлебом. – предложила я, принимаясь жевать пирог с капустой.

- Ох, правда? – всплеснула руками госпожа Жермен. – Ты бы сделала для меня доброе дело, Катрин. Знаешь же, как я не люблю возиться с тестом. Но что поделать, раз в три дня приходится печь, чтобы не покупать хлеб. Булочник Анри задрал цены так, что скоро отдашь исподнее, если брать у него булки. Но успеешь ли ты? Тебе же на рынок сегодня?

- Мне не сложно. – заверила я и улыбнулась. – К тому же, Этель еще будет собирать корзину. Ну, а я пока займусь вашими пирогами.

- Ох, девочки, как же мне повезло с вами. А ведь, по первости я боялась даже, что приняла вас на постой. Как же я рада, что ошиблась, что Господь смиростивился и послал мне таких порядочных девушек.

Глава 2. Рынок

Рынок на площади Сен-Антуан шумел, как разворошенный улей. Меж лавок с овощами и свечами тянуло горячим хлебом, свежим мясом и дымом от жаровен. Голоса, выкрики торговцев, ругань, звуки шарманки – такой привычный гомон уже не пугал, как в первые разы посещения рынка.

Пристраиваясь среди торговцев, под навесом из холста, чтобы весеннее, но уже жаркое солнце не напекло голову, я вспоминала, как зимой впервые оказалась здесь. Нас с Этель привела сюда сама мадам Жермен, договорившись со стражниками, что мы будем торговать мылом и свечами. Мы решили не тратить на аренду прилавка и продавали свой товар прямо из корзины с длинным ремнем, который накидывался на плечи и держал плетенную из ивовой лозы тару прямо у груди. Корзина была тяжела и с непривычки больно давила на плечи.

Первое время какофония звуков раздражала и угнетала. Запахи сырого мяса, кож и свечного сала подкатывали к горлу липким комком тошноты. Это вам не торговый центр XXI века, где в огромных и приятно пахнущих магазинах ты выбираешь товар, прогуливаясь и примеряя. Париж XVII столетия – город контрастов, где одинаково часто можно было почувствовать, как аромат дорогих, тяжелых духов, когда по мощеной мостовой проносилась карета с гербовыми знаками, так и запах гниения и нечистот из сточной канавы, навоза с постоянного двора или услышать крик петуха из дома мелкого лавочника. Париж обрушивался прямо на голову, словно тысячный рой пчел. Он галдел и звенел, не смолкая даже ночью.

Сегодня я пристроилась между мясником Этьеном и барахольщиком Будо. Последний продавал всякую мелочь, которую ему сносили нуждающиеся вдовы или спивающиеся отставные солдаты, чтобы купить детям хлеба или кружку дешевого вина – каждый по потребностям. На прилавке Будо было мало примечательного – мотки холщовых ниток, дешевые брошки и кольца, старая одежда, и я вряд ли бы когда-то заинтересовалась ассортиментом его палатки, но он был добр, тих и неожиданно воспитан. Стоять с ним рядом оказалось вполне комфортно. Когда день был не очень удачен и рынок пустовал из-за плохой погоды или какого праздника, Будо рассказывал мне всякие истории о своих путешествиях по дальним странам. Был он худ, бледен и кажется, болен чахоткой, но это только добавляло шарма его рассказам. Будо мог присмотреть за моей корзиной, если нужно было отлучиться по просьбе мадам Жермен купить что-то из провизии, или пока я бегала в отхожее место, хотя старалась делать это в крайних случаях. Об общественных местах, для этого предназначенных, даже вспоминать не хотелось – такими убогими они здесь были. При воспоминании о горячей воде, свободно льющейся из крана, мне нестерпимо хотелось плакать. Как ни крути, я так и не привыкла к отсутствию водопровода и канализации.

Я откинула чистое полотенце, что прикрывало наш товар – светлые ровные бруски с тонким ароматом лаванды и ромашки, и чуть выдвинулась вперед, чтобы мясник Этьен не загораживал своим огромным корпусом мою корзинку.

- Подходите, господа, марсельское мыло недорого! Свежее, чистое! Сушеные травы, свечи, которые не коптят и горят долго! – завела я свою привычную «песнь», откинув капюшон плаща и открыв свое лицо. По опыту заметила: когда смотришь людям в глаза, при этом открыто улыбаясь, они чаще цепляются за тебя взглядом, обращая внимание и на мой товар.

Первый покупатель появился почти сразу. Заинтересованно сунул нос в корзину, рассматривая мое богатство и тут же протянул горстку медных монет – денье. Я взяла их в руку и стала судорожно соображать, сколько хлеба или масла можно купить за такую сумму? В моем прошлом, которое было теперь лишь далеким будущим, за тебя все расчеты вел компьютер или кассовый аппарат. Здесь же приходилось все считать в уме – 12 денье = 1 соль, 20 солей = 1 ливр, и быстро прикидывать, сколько дать сдачу.

Видя, как покупатель что-то выбирает в моей корзине, рядом стали останавливаться другие горожане. Они заглядывали через плечо друг друга, видели, как приветливо я улыбаюсь им, и отвечали взаимностью.

Неожиданно сбоку раздался грубый возглас. Мясник, ворча, выдвинулся вперед, махнул своим грязным топориком, которым разрубал говядину на куски по запросу клиентов, и задел мою корзину локтем.

- Отодвинься от моего прилавка, ты мешаешь покупателям видеть мой товар! – выкрикнул он сквозь зубы.

Едва удерживая равновесие, я пошатнулась. Несколько брусков из корзины все-таки упали на грязную мостовую.

Ярость ослепительной вспышкой вспыхнула в мозгу.

- Посмотри, что ты натворил! – взбесилась я, наклоняясь чтобы поднять упавшие бруски.

Этот Этьен давно доставал меня. То ли его нервировало, что я со своим мылом стою рядом, то ли еще что-то, но каждый раз, когда приходилось занимать место по соседству с прилавком мясника, он делал какую-то пакость. Будто утверждал, что детина неровно дышит ко мне, но, черт возьми, он что, подросток в пубертате, который вместо того, чтобы подарить девушке цветы или угостить, дергает ее за косички?

На мое возмущение мужчина лишь пренебрежительно хмыкнул, чем вывел меня из себя окончательно. Ну, держись! Я долго, на протяжении нескольких месяцев терпела это хамство. Пора поставить грубияна на место:

- Надеюсь, наедине с дамами ты не так неуклюж, Этьен, как в своей работе. Иначе, останется лишь посочувствовать этим несчастным. – ледяным тоном процедила я, глядя на мужлана.

Все, кто был рядом в этот момент и слышал мою язвительную фразу, прыснули от смеха. Этьен никому тут не нравился – слишком высокого мнения был о себе и своем ремесле. Багровея, мясник повернулся и буквально навис над моей головой, шумно выдыхая. Рука с топориком сжалась от злости. На мгновение я даже пожалела, что не уследила за языком и высказалась дерзко. Инстинктивно зажмурилась, ожидая, что Этьен поднимет руку. Но тут совсем рядом послышался другой голос - вкрадчивый, мягкий, но уверенный. С лёгкой усмешкой незнакомец произнес:

- Неужто благородный парижанин не может уступить место даме, даже если она торгует мылом?

Толпа ахнула и расступилась.

Глава 3. Инкогнито

В недоумении я подняла глаза на голос.

Перед мной стоял молодой человек лет двадцати в бархатном темном плаще, со шпагой и перьями на шляпе. Среднего роста, стройный, с той гибкой грацией, которая бывает у людей, знающих свое высокое происхождение. В нём не было суровости, скорее какая-то утончённая мягкость, опасная тем, что за ней прячется каприз и гордость. Лицо юноши - бледное, почти прозрачное, а черты точные, ровные, будто выписаны пером на белой бумаге: гладкий лоб, прямой нос, подбородок с едва заметной ямочкой. В светло-карих внимательных глазах плескалась едва заметная насмешка. Каштановые волосы лежали мягкими волнами на плечах и отливали медью на свету. Тонкие усы и маленькая бородка придавали лицу остроту, но не делали его суровым, наоборот, была в этом какая-то манерность - изысканная, даже театральная.

Я ошарашенно уставилась на юношу, пытаюсь понять, кто же заступился за меня? На сколько высока персона по статусу? Одежда дорогая, но никаких других отличительных знаков на молодом человеке не было. Один из спутников юноши, что до этого молчаливо озирался вокруг, быстро наклонился ко мне и шепнул на ухо:

- Мадемуазель, не бойтесь. Это Его Высочество герцог Гастон Орлеанский, брат самого короля. Он защитит вас.

Все, кто стоял рядом, снова дружно охнули и тут же склонили головы. Даже мясник Этьен бросился в ноги принцу. От неожиданности я замерла и заморгала, но быстро спохватилась, что стоило бы и мне проявить вежливость и поклониться царственной особе. Однако принц рассмеялся и остановил меня, слегка касаясь рукой моего плеча:

- Довольно, мадемуазель. Парижу больше нужны такие руки, чем пустые поклоны. Покажите, что у вас за мыло?

Трясущими пальцами я выудила один из брусочков, упакованных в тонкую бумагу и перевязанных шпагатом, и протянула его королевской особе, что случайно оказался поблизости. Гастон поднёс его к лицу, вдыхая аромат свежести.

- Лаванда? Аромат Прованса... Чудо. - он повернулся к своим спутникам, которых оказалось трое – наверняка охрана. - Надо будет сказать мадам де Шеврёз и прочим фрейлинам королевы: пусть попробуют это мыло с рынка. Быть может, королева Анна улыбнётся, узнав, что её руки пахнут тем же, что и у этой достопочтимой парижанки. Как вас зовут, мадемуазель?

- Катрин... - проблеяла я не своим, каким-то механическим голосом. В голове никак не укладывалось, что передо мной собственной персоной стоит брат короля. - Катрин дю Валь.

Толпа загудела, кто-то перешептывался, кто-то зааплодировал. Гастон, весело махнув рукой, бросил серебряный экю прямо в корзину.

- Это вам, мадемуазель дю Валь. За смелость. – он прищурился и вдруг хитро улыбнулся. – А принесите-ка завтра корзину мыла в Лувр между 9 и 11 утра, да скажите у ворот, что вас послал Орлеанский.

Гастон поклонился, лучезарно улыбнулся, повернулся и пошёл прочь, накиннув на голову капюшон плаща. Вслед за ним, озираясь по сторонам, проследовали его спутники. Они оставили за собой шлейф дорогих духов и перешёптывание разбредавшейся толпы.

- Сам брат короля на рынке! Тайно!

Я же так и продолжала стоять неподвижно, переваривая то, что случилось.

Как теперь быть? Идти в Лувр? Или сделать вид, что ничего не случилось?

Я вытащила серебряный кругляш из корзины и повертела монету в руках. Отчего-то та внезапно показалась мне очень тяжелой, совсем как свалившаяся неожиданно на мою скромную персону королевская милость.

Визуалы и информация

Дорогие!

Приветствую вас в продолжении истории о Катрин и ее приключениях во Франции XVII века!!!

Буду благодарна всем за активность, комментарии и добавление в библиотеку.

А первую книгу истории "Незнакомка" с Руанской дороги" можно прочитать только на Литнет:

<https://litnet.com/shrt/5Fy6>

Что ж, в добрый путь, а он будет не прост, но наполнен интригами, путешествиями, неожиданными поворотами и, конечно же, любовью!!!

Пишу для вас #####

Глава 4. Разногласия

Серебряной монеты, что небрежно бросил мне в корзину юноша, представившийся Гастоном Орлеанским, могло бы хватить, чтобы неделю не появляться на рынке. И это еще раз должно было убедить меня в том, что я действительно, совершенно случайным образом столкнулась нос к носу с самим братом Людовика XIII. А тот предложил продать наше мыло прямо во дворце! Возможна ли такая удача? Боже, я летела домой на крыльях воодушевления, совершенно не ощущая тяжести наплечных ремней, на которых держалась моя все еще полная товара корзина.

Было совсем рано, когда я ввалилась в лавку мадам Жермен и спешно сняла свою ношу с плеч.

- Катрин? - удивилась Этель, выглянув из кухни, где рождалась очередная порция чудесного мыла. - Что случилось? Почему ты вернулась так скоро?

- Вы даже не представляете, что со мной было! - выдохнула я и достала серебряную монетку – доказательство моих слов.

Этель бросила на меня встревоженный взгляд и подошла ближе. Нагнулась, приподнимая край вышитого полотенца. Оглядев непроданный товар, названная сестрица выпрямилась и вопросительно взглянула на меня:

- Не понимаю. Мыло на месте, но откуда столько денег?

Просияв, я принялась рассказывать о происшествии, что случилось не далее часа назад. Этель слушала, качая головой, и взгляд её с каждым моим словом становился все тяжелее, напоминая снеговую тучу, что так часто нависала над нашим домиком этой зимой. Зато мадам Жермен внимала зачарованно и на моменте, когда я рассказывала о приглашении во дворец, женщина ахнула и схватилась за сердце.

- Ты не пойдешь в Лувр. - отрезала Этель. - Это слишком опасно.

- Но почему? - в один голос воскликнули мы с мадам Жермен.

Этель облизала вмиг пересохшие губы и сухо ответила:

- Хочешь опозориться на весь Париж?

Я ошарашенно уставилась на подругу. Опозориться? Но в чем?

- Мое мыло совершенно обычное. Оно недорогое и пахнет травами. Дамы при дворе привыкли к изысканным ароматам, которых мне никогда не повторить. Тебя засмеют, Катрин. И выставят вон вместе с мылом. Поползут слухи, что мы хотели возвыситься, приблизиться ко Двору. Люди не прощают подобных ошибок. Мы потеряем и тех немногочисленных клиентов, кто доверяет нам.

Я не верила своим ушам! Вместо того, чтобы использовать данный Проведением шанс, мы будем прозябать на рынке, толкаясь между почти нищим Будо и грубым Этьеном, готовым ударить женщину, если бы не случайное покровительство высокородного сеньора.

- Но... - только хотела возразить я.

- Ни слова больше! - прервала меня Этель, подняла тяжёлую корзину и ушла из лавки прочь, куда-то в глубину дома. А мы так и остались стоять посреди комнаты – удивленная мадам Жермен и я, с раскрытым ртом, в котором застряли все аргументы.

Я нашла Этель в нашей комнате. Она нервно перебирала стираемое белье, складывая его в стопку.

- Этель, почему ты так категорична? - спросила я, почти наверняка зная её ответ.

- Ты хочешь встретить там его? – подняла голову девушка и посмотрела прямо в глаза.

Я не любила этот взгляд, он не предвещал ничего хорошего.

- Я всего лишь принесу мыло. Дворец огромный, к тому же, не думаю, что Франсуа д'Эстре бросается к каждой пришедшей торговке. И уж тем более не считаю, что он будет среди тех придворных дам, которые придут смотреть мыло. - скривилась я.

Этель посмотрела на меня с укором и покачала головой.

- Катрин, милая, жизнь ничему не учит тебя. Ты не смогла распознать подлость Жанны Деборо и чуть не умерла от отравления, но думаешь, что сможешь вести игры при Дворе?

Я насупилась:

- Не собираюсь вести никаких игр. Я просто хочу продать больше мыла, чтобы нам не приходилось ходить на этот чертов рынок, где воняет, и каждый тупой мясник считает, что может пихать меня или пытаться облапать. Судьба даёт нам шанс, Этель, а мы отвергаем его, опасаясь виконта. Да я могу руку на отсечение дать, что он опять скачет по своим важным заданиям и в ус не дует, кто какой товар сегодня принёс в королевский дворец с черного входа. Ну? Этель, ну правда! Делать мыло для высшего общества, продавая его дороже, разве ты не хотела бы этого?

Подруга прикрыла глаза, видимо, пытаясь успокоиться. Кое-как справившись с собой, она покачала головой и отвернулась.

- Я против.

Глава 5. Совет мадам Жермен

Весь остаток дня я уговаривала травницу, убеждая, что в визите в Лувр нет ничего опасного. Однако Этель была непреклонна. В конце концов, я устала спорить. Так, не договорившись ни о чем, мы легли спать.

Спала я тревожно и утром проснулась довольно рано. Решив не будить Этель, я спустилась в лавку мадам Жермен. Та и сама только встала и заводила теперь тесто на оладьи для завтрака.

- О, Катрин! - удивилась женщина, тщательно вмешивая муку в белесую жижу. - Что-то ты рано сегодня.

- Плохо спалось, к тому же не люблю ссориться с Этель. Только об этом и думала половину ночи, - призналась.

И правда, я ворочалась и не могла уснуть, все вертела в голове эту встречу. Она казалась мне отличным шансом, чтобы выйти за рамки привычных доходов. Если придворные дамы будут регулярно покупать мыло Этель, положение наше только укрепится. Глупо упустить такой шанс, размышляла я. Но внутренний голос, тот, что идет изнутри, из сердца, с опаской вопрошал: а не потому ли ты так ухватила за это знакомство, что хочешь хоть одним глазком взглянуть на то, как живёт знать и, вероятно, Франсуа? Понятное дело, я гнала мысли о нём прочь и даже самой себе не хотела признаваться в этом.

- Давайте помогу вам с оладьями, - предложила я хозяйке. - А вы пока займитесь другими делами.

- Буду благодарна тебе, Катрин. - мадам Жермен подвинула мне миску с тестом. - Знаешь, дорогая, я бы на твоём месте поступила хитрее.

Я удивленно взглянула на женщину. От неё, простой и понятной, со строгими правилами и целым протоколом поведения, я не ожидала ничего подобного.

- Смотри, твоя сестрица против визита в Лувр. Но я считаю иначе. Чтобы не прозябать, как все мы за тяжёлой работой до старости, ты должна использовать свой шанс. Он, может, один раз в жизни выпадает!

- Наверное, Этель права. Двор - не то место, где безопасно двум незамужним дамам без мужского покровительства. - промолвила я, тщательно помешивая жидкость в миске.

- Тебе предложили принести мыло на продажу. Никто и не думал посягать на твоё достоинство. - рассмеялась густым смехом мадам Жермен. - В конце концов, ты - не маленькая девочка, Катрин, и сможешь понять, когда женской чести грозит опасность. Высокие господа мягко стелют, но любой из самых простых горожанок хватит ума понять, когда разговор клонится в сторону спальни. Думаю, Катрин, тебе нечего бояться! Принесешь свою корзину с мылом, покажешь и расхвалишь графиням свой товар. Это ты умеешь. Ежели купят у тебя мыло, так и славно. А нет, так и суда нет. Ты, по крайней мере, попыталась. Говорят, герцог Орлеанский добродушен и любит эпатировать публику. Вот он и развлёкся, позвав обычную торговку во дворец. Но это не твоя игра, дорогая. С тебя много не спросят. Твое дело - воспользоваться подарком судьбы. Ты просто принесешь свой товар на продажу, а их дело - покупать его или нет.

- Но как я пойду, если Этель против? - развела я руками.

- Так будь хитрее. Скажи сестре, что отправляешься на рынок, а сама ступай во дворец. Дорогу до Лувра тебе покажет любой мальчишка. - понизила голос мадам Жермен.

Я с сомнением уставилась на женщину. Никогда не думала, что за маской благовоспитанной матроны скрывается такая авантюристка.

- И я была когда-то молода, Катрин. – улыбнулась тепло мадам Жермен, и в уголках ее глаз собрались лучики морщинок. - Думаешь, я не знаю, как хочется чего-то добиться в жизни? Судьба не каждому даёт такой шанс, а вот вам с Этель дала. И ты должна использовать его.

Глава 6. По дороге в Лувр

Я вышла из домика в крохотном переулке предместья Сен-Антуан сразу после быстрого завтрака, когда туман ещё висел над улицами, словно лёгкий шёлковый покров. Сегодня было пасмурно и довольно зябко. Не стоило даже надеяться, что выглянет солнце. Хорошо, если хотя бы не пойдет дождь.

Ничего не подозревающая Этель вручила мне корзину с мылом и мешочками пахучих трав. Это была ее новинка. Ароматные мешочки-саше предлагалось раскладывать между бельем, чтобы оно приятно пахло и защищало от насекомых.

Корзина с мылом была тяжела, но я крепко держала её, стараясь не задевать прохожих. Несмотря на раннее время, узкие булыжные улицы были уже полны жизни: кузнецы и плотники начинали свой день. Тут и там раздавались скрипы молотов и стук по наковальне. В воздухе смешивались запахи дыма и свежего хлеба. Я глубоко вдохнула, отгоняя от себя внезапно накотившее волнение: идти в Лувр, да еще без согласия Этель, было страшно.

Путь мой сначала пролегал по улице Сен-Антуан, я старалась быть осторожной, чтобы не столкнуться с торопливыми прохожими. Слева и справа тянулись фахверковые дома с высокими крышами и узкими окнами, где за ставнями прятались глаза любопытных соседей. Торговцы, выставившие у окон лавок прилавки со своим товаром, выкрикивали цены на ткани, пряности, посуду, и я невольно ловила каждый звук, как будто пытаюсь прочесть скрытые истории этих людей.

Я шла в сторону центра и думала о том, что уже прикипела к этому парижскому гомону, к запахам, людям. Я чувствовала себя частью этого города, который стал мне одновременно и домом, и как будто местом проверки, где любой твой шаг может сыграть решающую роль. Люди здесь держались по отношению к друг другу с осторожной враждебностью, и, пожалуй, только в предместьях сохранялось еще некое подобие общинного устройства. Чем ближе к центру, тем богаче дома меня окружали и тем большим холодом от них веяло.

Миновав Сен-Антуан, я вышла на площадь Гревы. Здесь уже начинал собираться народ, обсуждая последние новости. В воздухе витал аромат свежей выпечки, чего-то жареного и дым костров. Показалось, что корзина стала тяжелее, и я мысленно отругала себя за то, что от жадности взяла так много мыла. Остановилась на мгновение, чтобы чуть поменять положение наплечных ремней, и почувствовала вдруг, как меня накрывает волной страха. Может, вернуться? Но я сцепила зубы и упрямо вздернула подбородок. Раз уж решилась идти во дворец, так не поворачивать же на полпути обратно!

Чтобы добраться до Лувра, мне пришлось идти вдоль Сены по правому ее берегу. Через мост Нотр-Дам следовало перейти на остров Сите и двигаться по нему до моста Пон-Неф, или Нового моста, который, как рассказала мне мадам Жермен, напутствующая в дорогу, построен был всего двадцать лет назад.

Разглядывая окрестности, мощенные улицы квартала Шатле, я едва не пропустила выход на сам мост. И дело вовсе не в том, что я зазевалась, отвлекшись на шум и гомон большого города. Просто я ожидала увидеть привычный мне мост - каменные арки, перила, мостовую и виды на другой берег. Однако мост Нотр-Дам был совершенно другим. Если бы не знать, что под ногами несла свои воды Сена, никогда бы я не догадалась о том, что иду по переправе. Мост выглядел как узкий переулок, похожий на те, что связывали улицы нашего предместья. Только дома здесь были повыше, в три, а то и четыре этажа, а расстояние от одной стороны улицы до другой очень узким. Внизу, как и в большинстве городских зданий располагались лавки, мастерские и конторы, а вот надстройки выглядели жилыми.

Люди шли по мосту тесными рядами, уступая дорогу лошадям с грузом. Слышны были голоса ремесленников: кто-то точил ножи, кто-то чинил обувь, зазывая на ремонт башмаков,

а кто-то продавал прямо с лотка хлеб и пирожки. Из труб на крыше доносился запах жареной рыбы, которая еще пару часов назад плавала в Сене, и дыма из каминов. Из окон вырывались наружу голоса: веселый визг играющих детей и журащих их матерей.

С моста я спустилась на набережную острова Сите и пошла прямо по ней на запад, огибая остров. Набережной как таковой не было и на самом берегу реки тут и там примостились ветхие лачуги рыбаков. Внизу медленно текла мутноватая Сена, её вода отражала дома, лодки и свинцовое серое небо. На деревянных платформах, приставленных к берегу, сушили бельё и прями шерсть, а рыбаки тянули из воды сети в надежде на новый улов.

Достигнув западной оконечности острова, я пересекла сквер Вер-Галан и поднялась по лестнице на тот самый Новый мост, о котором мне твердила вдова утром. По ее рассказу я помнила: осталось перейти по переправе, свернуть от конной статуи Генриха IV вправо, и тогда передо мной должен был открыться вид на королевский дворец. Отчего-то отчаянно забилося сердце. Может, от быстрого шага с довольно тяжелой ношей, а может, от предвкушения и странного чувства опасности, которое теперь на меня внезапно накатило. Как будто я хочу попасть за закрытые двери, туда, куда путь был закрыт. Взглянуть на то, как живут королевские особы, не имея к ним никакого отношения. Отогнав от себя тревожные мысли, я нашла глазами бронзовую статую убиенного короля и, собравшись с духом, пошла в сторону Лувра.

Замок поразил меня. Помнится, когда мы прилетели в Париж в командировку, для нашей делегации устроили пробежку по всем знаковым местам французской столицы. Он тогда показался мне слишком помпезным, роскошным, величественным. Сейчас же Лувр выглядел несколько иначе, чем в моих воспоминаниях. Естественно, я не увидела пирамиды, но оно и понятно, сейчас Лувр – это королевская резиденция, а не музей. Все еще чувствовалось, что когда-то этот дворец был обыкновенным средневековым замком. Фасады были тоже отделаны чуть иначе. Я не знала, чем отличается, например, ренессанс от классицизма, просто заметила, что в отделке преобладают некоторые другие элементы. Весь павильон де л'Онж был укрыт строительными лесами, оттуда же доносились звуки работы каменщиков. Видимо, он только строился в эти годы. Само пространство было несимметричным, с множеством каких-то хозяйственных построек и флигелей.

У ворот королевского замка было шумно. Кареты въезжали и выезжали из ворот, лакеи перекликались, а солдаты со шпагами на боку зорко следили за порядком. Потоптавшись у главных ворот, я осмелилась спросить у стражи, где обычно входили поставщики королевского двора? Гвардеец окинул меня насмешливым взглядом, оценил внешность и, маслянисто улыбувшись, выдал:

- Здесь нельзя войти таким, как вы, мадемуазель. Пройдите дальше, за угол, там будет служебный вход.

Я мило хлопнула глазками, улыбнулась и поблагодарила стражника, присев в легком поклоне. Поправила свою корзину и пошла, куда мне было указано.

У служебного входа в тесном проулке, будто зажатом между каменными постройками, также толпились люди. Многие из них трясли перед толстым воякой в костюме попроще бумагами, требуя впустить их, но гвардеец не спешил. Он лениво изучал документы, переругиваясь с визитерами, и принимал решение – впустить того или иного господина. Тут-то меня нехорошо осенило: кроме устного приглашения от королевского родственника у меня не было ни черта. А если мне не поверят? Вот же дура! Это ж надо так опростоволоситься! Может, не зря Этель была против моего похода во дворец?! А если Гастон просто потешался? Позвал меня, зная, что это невозможно без специального письма?

Однако, не для того я перлась с тяжелой корзиной через половину города, чтобы даже не попробовать!

Я протиснулась сквозь толпу, осторожно подбираясь к охраннику и, добравшись до него, наконец, вымолвила:

- Здравствуйте, господин. – завладела я вниманием гвардейца. - Меня зовут Катрин дю Валь. Я прибыла по поручению Его Высочества, герцога Гастона Орлеанского. По указанию принца принесла мыло для придворных дам. Меня должны ожидать с 9 до 11 утра.

Стражник хотел было отмахнуться, но, услышав имя Орлеанского, сразу переменился в лице:

- Проходите сюда, мадемуазель, и подождите минуту. – охранник смерил меня взглядом, будто оценивая, а потом строго обратился к толпящимся торговцам. – А вы стойте тут. Я сейчас вернусь.

Вместе с охранником я прошла сквозь низкие ворота и встала в двух шагах от входа. Толпа с той стороны возмущенно загудела.

- Ждите здесь, скоро за вами придут. – бросил мне толстяк и пошел обратно к воротам.

«Фух! Пронесло! Даже не потребовал никаких бумажек!» - ликовала я. Неужели это значило, что Гастон не забыл передать предупреждение страже?

И действительно, через несколько минут ко мне с важным видом подошёл паж в сером камзоле, кюлотах, шерстяных чулках и в башмаках с пряжками.

- Следуйте за мной, - сказал он сухо, но не грубо.

- Благодарю. - ответила я, опуская глаза, и последовала за ним.

Глава 7. Испытание учтивостью

Когда мы подошли к неприметной низкой двери служебных помещений Лувра, нас встретил слуга в чёрном камзоле с отделкой. Его взгляд был строгий, но не враждебный.

- Мадемуазель, сюда, пожалуйста, - сказал он.

Мы шагали через служебный коридоры, где пахло влажным камнем, дымом каминов и слегка прелой травой. Голоса кухонных слуг и звон посуды создавали хаос, который отзывался во мне легкой дрожью. Пришлось собраться с силами, чтобы обуздать внутри себя этот мандраж.

Коридоры для слуг были узкими и низкими, побелённые стены местами украшали крючки с горшками, полы частично покрывали старые ковровые дорожки. Каждый мой шаг отзывался эхом и казалось, будто весь дворец наблюдал за мной. Мимо спешили мальчишки-гонцы с подносами, слуги скользили, едва заметные, словно тени. Меня охватило странное и скорее всего ложное чувство, будто весь Лувр хранил дыхание в ожидании моего визита к придворным дамам. Однако, даже понимая это, я все равно волновалась.

Наконец, прошедевров ещё несколькими длинными коридорами, мы оказалась в небольшом кабинете. Лакей отворил передо мной двери и небрежно бросил:

- Господин скоро будет. Ожидайте. – и, помедлив, все же добавил. - Да не трогайте ничего.

Я вспыхнула от негодования, но ответить не рискнула. Буквально прикусив язык и стиснув зубы, вошла в помещение и осмотрелась по сторонам. Дверь за мной закрылась.

Просторная комната с высокими потолками, украшенными резной лепниной, казалась уютной и немного волшебной. Ковровая дорожка с богатым узором мягко приглушала шаги, камин в углу источал аромат сухих дубовых дров. Свет расставленных свечей играл, будто танцуя, и отбрасывал блики на портреты незнакомых мне людей, тут и там развешанных по стенам. Поневоле вспомнились богатые интерьеры Эрмитажа и дворца в Петергофе – единственные царские покои, в которых мне когда-либо довелось побывать. Да, интерьеры отличались. Именно в этом небольшом кабинете было даже уютно – меньше росписей по стенам, меньше золота в отделке, но я понимала – в парадных покоях гораздо более дорого и помпезно.

В волнении я опустила свою тяжелую корзину на пол у дубового стола и стала аккуратно раскладывать брусочки мыла на поверхности. Его аромат - лаванды, розы, розмарина - постепенно наполнял комнату, смешиваясь с запахом воска и дерева. Я сняла перчатки, ощущая лёгкое дрожание замерзших пальцев, и потерла их друг о друга, пытаюсь согреться и выглядеть увереннее, чем была на самом деле. Видимо, слова слуги все-таки выбили меня из колеи.

Провалившись в ожидание и волнение, я не сразу заметила, что Гастон уже здесь и наблюдает за мной. Я не услышала, как он вошел и теперь оказалась в дурацком положении – растерянная и без перчаток. Не натягивать же их при мужчине?

Герцог Орлеанский продолжал наблюдать за мной, когда я присела в глубоком почтительном поклоне, склоняя при этом голову. Его взгляд был внимательным, пронизывающим.

- Приветствую вас, мадемуазель. Смотрю, вы довольно быстро освоились здесь и уже разложили свой товар. – усмехнулся принц.

- Здравствуйте, Ваше Высочество. – пересилила себя и постаралась даже улыбнуться. – Решила не терять времени зря.

Я старалась говорить спокойно, взвешивая каждое слово. Каждое движение выверено и аккуратно. Моё сердце сжималось от страха и трепета одновременно от единственной мысли, что билась в моем мозгу: каким-то чудесным образом я привлекла внимание одного из самых заметных людей Франции. Удастся ли мне не провалиться? Но когда Гастон сделал пару шагов ко столу, где лежало наше мыло, и взял кусок со стола, вдыхая его аромат, всё напряжение как будто отпало.

- Это похвально, мадемуазель Дю Валь.

Я почувствовала необычайное облегчение. Мои руки еще дрожали, но волнение постепенно растворялось. В этот момент пришла уверенность – Гастон не намерен выставить меня посмешищем. Я не знала, какая у него цель, но это было бы слишком мелким.

Я едва успела отправить принцу благодарный взгляд, когда дверь кабинета вдруг с шумом открылась, и внутрь вошли несколько придворных дам. Их платья сияли дорогими тканями, переливались шелком и бархатом, а запах тяжелых духов пахнул волной. Они все кланялись, улыбаясь принцу и отходили, тихо переговариваясь и кидая игривые взгляды на Гастона.

Я присела, опускаясь как можно ниже. Чем ниже статус – тем глубже поклон.

Придворные дамы остановились у стола, где лежало наше мыло, с любопытством разглядывая мой товар.

- Так вот, ради чего Ваше Величество собрал нас здесь. Это так необычно, - заметила одна из дам и рассмеялась звонким смехом, - ведь, мыло в Лувр поставляют из самого Прованса.

- Это не просто мыло, мадемуазель де Брежи, - очаровательно улыбнулся Гастон. – Это мыло, созданное благородной дамой, которая предпочла труд праздному существованию, дабы сохранить свое честное имя. Не стоит сравнивать это мыло с обыкновенным, что везут купцы возами из Прованса.

Девушка вздернула нос, будто получив по нему щелчок. На секунду стайка дам смолкла.

- Покажите свое мыло, мадемуазель дю Валь. – повелел принц и я кивнула согласно, едва склонив голову.

- Сударыни, позвольте показать вам мыло, которое мы с сестрой варим дома. Наш род ныне небогат, но мы сохранили хорошие рецепты и стараемся делать вещь не броской, а добротной и чистой. Мы используем лучшее масло, немного розмарина и лаванды. Так оно выходит мягким и держит аромат долго. Я не смею сравнивать наш труд с южными товарами, что приходят к вам обозами, но, если вы позволите, я буду рада показать, что и простое мыло может служить достойно.

Я показывала каждое с осторожностью, объясняла, из чего оно сделано, как травы высушивались вручную, как масла смешивались с розовой водой. Взгляды дам скользили глазами по кусочкам, а после переключались на меня: на мои руки, на простой наряд, на скромную прическу, обрамлявшую лицо.

- Это довольно любопытно, - прошептала одна из них, не скрывая язвительной улыбки.

Я почувствовала, как прилив крови ударил мне в щеки. Они хотели не мыло, им нужно было зрелище - разглядеть меня, бедную девушку, которая осмелилась войти в мир, чуждый ей по статусу. Я держалась прямо, стараясь не показать смущения, но внутри всё кипело от возмущения. Каждое их движение, каждый взгляд ощущались как испытание. Каждое движение рук, когда я демонстрировала кусочек мыла, ощущалось, как танец на тонком льду - один неверный шаг, и мой единственный шанс растает как дым. Черт! Не Двор, а клубок змей. А с другой стороны - как ты хотела, дорогая? Или надеялась, что здесь какие-то особые порядки и тебя примут с распростертыми объятьями? Да им скучно, а тут вдруг нашелся объект для веселья.

Гастон наблюдал за ними с лёгкой улыбкой, явно получая удовольствие от этой сцены. Он не спешил вмешиваться, позволяя дамам любоваться мною так, словно я была частью его маленькой игры. В этот момент я поняла: здесь, среди этих роскошных тканей, духов и золотых деталей, я - не просто торговка с рынка, я - объект их любопытства, их наблюдений, почти как редкий экспонат. И он тоже наблюдает, на что я способна. Что ж, пусть будет так.

Я чувствовала, как дамы продолжали скользить глазами по моим рукам, простому наряду и едва заметной усталости на лице.

- Как уныло. – со скукой сказала мадемуазель де Брежи, видимо, так и нес могла простить принцу издевку. - Взгляду не за что зацепиться.

Она небрежно положила кусок лавандового мыла на стол и, скривившись, отошла от стола.

Внутри меня всё кипело: их пренебрежительное любопытство казалось одновременно насмешкой и испытанием. Но я не могла позволить себе дрогнуть, не могла показать, что мне неприятно. Глубоко вдохнув, я выпрямила спину и улыбнулась легкой, спокойной улыбкой, и решилась сказать.

- Может быть, мадемуазель, - ответила я мягко, но с едва заметными стальными нотками, - мыло мое, хоть и просто, но требует внимания и умения. И, смею заметить, оно способно служить дольше, чем легкая усмешка.

Тихая пауза. Я заметила, как дамы переглянулись, улыбки сползли с их лиц. Их любопытство не уменьшилось, но теперь оно сочеталось с лёгким удивлением.

Я бросила взгляд на единственного здесь мужчину и успела заметить, как Гастон Орлеанский едва заметно улыбнулся, явно довольный. Он наблюдал, как дамы на мгновение теряют уверенность, и слегка растерявшись от моей язвительной учтивости. А я почувствовала маленькую победу: я сохранила достоинство, показала мастерство и дала понять, что меня не стоит недооценивать.

Придворные дамы всё ещё стояли в молчаливой растерянности, когда дверь кабинета распахнулась без стука, но так, что все замерли. И в проёме появилась она - Анна Австрийская, королева Франции.

Глава 8. Мыло для королевы

Её шаги были неторопливы, величавы. Платье из тёмно-синего бархата, отороченное серебром, каждая складка которого отражала свет, будто пламя танцевало у её ног. Высокую причёску украшали жемчужные шпильки. На лице же я заметила то самое выражение, которое не спутаешь ни с каким другим: спокойствие женщины, привыкшей, что всё вокруг замирает при её появлении.

Она была высокой, но двигалась при этом с величественной грацией, и каждый её шаг казался выверенным, лёгким, как танец. Лицо королевы Анны было удивительно ясным, с мягкими чертами, но при этом с глазами глубокими, пронизательными, которые казались способными заглянуть прямо в душу. Тонкие брови слегка изогнулись над ними, а губы, чуть приподнятые в лёгкой улыбке, излучали одновременно мягкость и скрытую хитрость. Золотисто-рыжие волосы были уложены в изысканную причёску, обрамляли лицо, а мантия из тяжёлого синего бархата с белой отделкой едва касалась пола, оставляя вокруг королевы ощущение благородной роскоши.

Я невольно опустила глаза, но сердце колотилось, как птица в клетке. Впервые в жизни я видела королеву так близко.

- Я так и знала, - сказала Анна мягким голосом всем и никому, - что Монсеньор задумал нечто необычное. Что же это?

- Ничего опасного, Ваше Величество, - ответил он с лёгкой, чуть дерзкой улыбкой. И поспешил подойти к Анне. - Лишь ароматное открытие: мыло мадемуазель дю Валь. Она уверяет, что даже обычное мыло может быть достойным самого Лувра.

Все придворные дамы замерли в поклоне, опустив глаза, а Гастон лишь улыбнулся, слегка кивнув в мою сторону. Сердце забилося с удвоенной силой, ладошки вспотели, но я усилием воли смогла сохранить самообладание и присесть в глубоком реверансе. Королева подошла ближе, её шаги были почти бесшумны на ковровой дорожке, и я смогла уловить аромат ее парфюма. Взгляд Анны медленно скользнул по столу, и я почувствовала, как сердце замерло в груди. Молодая женщина с интересом заглянула в корзину, чуть наклонившись, словно желая рассмотреть каждый кусочек.

- Мадемуазель дю Валь, - произнесла она задумчиво, и оттого, что королева назвала моё имя, у меня дрогнули пальцы, - это вы приготовили?

Я почувствовала, как кровь приливает к щекам, но старалась отвечать ровным, спокойным голосом:

- Да, Ваше Величество, - ответила я. - Каждое мыло сделано вручную мною и моей сестрой Этель. Мы старательно отбирали необходимые травы, чтобы аромат и текстура готового мыла доставляли удовольствие, а не только очищали.

Анна Австрийская взяла один из кусков - лавандовый и поднесла к носу.

- Прекрасный аромат. Нежный, но стойкий. - Она смолкла на мгновение, рассматривая поверхность мыла, а затем вдруг перевела взгляд на мои руки.

Анна улыбнулась мимолетно, и в этой улыбке я почувствовала необычное тепло и интерес. Она снова внимательно вдохнула аромат кусочка, затем слегка повертела его в руках, разглядывая текстуру.

Я стояла неподвижно, сердце по-прежнему колотилось от волнения, но внутри росло странное ощущение: я ей понравилась. Сейчас я стояла перед самой королевой, и она действительно интересовалась моим трудом.

- Любопытно, - сказала Анна тихо. - У вас не руки ремесленницы. Не грубые, не иссечённые. Скорее руки женщины, когда-то державшей веер.

Я опустила глаза на свои пальцы, и с ужасом поняла, что так и не надела перчатки, которые пришлось снять, чтобы выложить товар. Стало не по себе, будто я предстала перед ней обнажённой. Но я всё же ответила, стараясь сохранить достоинство:

- Ваше Величество, теперь мои руки кормят меня. Но, быть может, они всё ещё помнят, как держать веер.

Королева улыбнулась уголками губ.

- Хорошо сказано, мадемуазель. И, пожалуй, это лучшая похвала вашему мылу, ведь оно сохраняет не только чистоту, но и достоинство.

От этих слов сердце у меня дрогнуло.

- А что это за мешочки? - спросила королева с интересом, поднимая ароматизированный мешочек - новинку Этель.

- Это ароматное саше. Внутри травы и воск. Они служат для того, чтобы без парфюма сохранять чистоту и аромат белья в сундуках.

- Хм, это весьма необычно, но, думаю, послужит хорошую пользу людям. - заметила Анна. Она обернулась к принцу и добавила. - Монсеньор, вы умеете находить редкости не только в живописи.

Он поклонился с легкой усмешкой:

- Я лишь следую примеру Вашего Величества.

Анна Австрийская ещё раз вдохнула аромат лаванды и, мягко улыбнувшись, вынула несколько золотых луидоров из кошелька, положив их прямо на стол передо мной.

- Это за ваш труд, мадемуазель, - сказала она, - и за смелость. Редко, кто осмеливается прийти сюда не с просьбой, а с предложением. Оставьте для меня вот эти два кусочка с лавандовым ароматом. Пусть доставят в мои покои.

Я снова склонилась в реверансе. Сердце мое колотилось, щеки пылали, а в груди разлилось странное тепло: гордость и облегчение одновременно. Королева мягко кивнула, а затем направилась к двери, лёгкий шелест её бархатной мантии оставался в воздухе.

- Продолжайте творить, - напутствовала меня королева на прощание. - Судьба благоволит тем, кто не боится пахнуть честным делом, а не только духами.

Когда дверь за ней закрылась, казалось, будто воздух в кабинете стал иным - теплее, мягче, но всё ещё наполненный тем ароматом, который она принесла с собой: ирис, мускус и что-то неуловимое, царственное, такое, что не описать словами.

В этот момент придворные дамы, которые сначала с надменностью изучали меня, теперь едва скрывали своё удивление. И я почувствовала странное, почти торжествующее чувство: их внимание теперь сквозило не просто любопытством, а осторожным признанием.

Как только дверь за Анной закрылась, в комнате повисла тишина. Сначала придворные дамы стояли, словно оглушённые, потом одна из них в зелёном бархатном платье шагнула вперёд и сдержанно произнесла:

- Кажется, мадемуазель дю Валь, ваше мыло действительно заслуживает внимания...

В следующую минуту всё изменилось. Дамы, которые чуть раньше смотрели на меня с лёгким презрением, смешанным с любопытством, теперь бросились к столу, наперебой хватая оставшиеся кусочки мыла, нюхая их и обсуждая громким шёпотом:

- Ах, какая приятная шелковистость!

- Идеальный аромат!

- Мне бы ещё кусочек лаванды!

Я стояла рядом, не веря своим глазам. Те же дамы, которые только что едва скрывали насмешки в мою сторону и придирчиво разглядывали меня, теперь смеялись, переговаривались и торопливо протягивали руки за мылом. Я аккуратно раскладывала кусочки, наблюдая, как

они быстро исчезают из моих рук, и делала выводы. Неважно, в каком веке и в какой стране ты живешь: люди всегда подчиняются сильному и стараются к нему примкнуть.

Между реплик о свойствах мыла и саше я почувствовала на себе мужской взгляд. Это Гастон Орлеанский, стоявший теперь у окна, чтобы не мешать придворным дамам разбирать товар, бросил на меня задумчивый взгляд. Я не знала, о чем он размышлял, наблюдая за щебетаньем фрейлин, но явно обдумывал какую-то идею.

Я же вдруг будто выдохнула. Все, чего так опасалась, осталось позади.

Боже! За меня вступилась сама королева! Понятное дело, завтра она забудет об этом инциденте, а ещё через пару дней вряд ли вспомнит меня в лицо, но даже то, что всех этих выскочек поставили на место, принесло мне просто невероятное моральное наслаждение.

Каждый кусочек мыла, который они торопливо брали, был не просто товаром - это была маленькая победа. Моя победа над миром высокомерия, лести и фальши.

Глава 9. Приватный разговор

Когда последние кусочки исчезли не только со стола, но и из корзины, я наконец позволила себе быструю улыбку. Сегодня я доказала, в первую очередь себе, что наше мыло достойно большего, чем торговля с лотка на рынке Сен-Антуан.

Придворные дамы, переговариваясь и смакуя свои приобретения, покинули кабинет, и в комнате вновь воцарилась тишина. Только лёгкое потрескивание дров в камине и слабый шелест бархатных портьер нарушали её. Я стояла у огромного пустого стола из дуба, где совсем недавно лежали многочисленные брусочки мыла и мешочки с травами, и сердце колотилось от счастья и радости, а руки дрожали от волнения и усталости.

Гастон Орлеанский, успевший усесться в кресло у разожжённого камина, наблюдал за мной с лёгкой, почти насмешливой улыбкой, но в глазах угадывалось одобрение. Я быстро, но стараясь не торопиться, собрала свои вещи – уложила ткань, что прикрывала мыло, в корзину, потом сделала шаг к креслу кронпринца и склонилась в глубоком реверансе:

- Ваше Высочество... - начала я тихим, но твердым голосом. - Позвольте поблагодарить Вас за то, что пригласили меня, за то, что поверили, что мое скромное ремесло может иметь значение.

Он откинулся на спинку чуть сильнее, оперся локтями о подлокотники, и слегка склонил голову. Его взгляд был задумчивым, но мягким, не таким, каким он оценивал придворные игры дам, а внимательным, и как будто почти искренним.

- Мадемуазель дю Валь, - сказал Гастон медленно, - я лишь предоставил вам шанс. А вот то, как вы им воспользовались, сумев себя достойно показать - это редкость. Не каждый осмелился бы так держать себя среди придворных дам и даже перед самой королевой.

Я почувствовала, как тепло разлилось по груди, а чувство собственной гордости за нас с Этель вскружило мою голову.

- Расскажите мне о себе, мадемуазель. Кто вы? Как давно торгуете мылом?

Я переступила с ноги на ногу и облизала пересохшие губы. Как бы рассказать так, чтобы выглядело правдоподобным?

- Мы с сестрой уже около полугода живем в предместье Сен-Антуан. Мы приехали в Париж из долины Сены, из окрестностей Руана в поисках лучшей доли. Мы с Этель сироты, были на попечении старенькой тетки, но ее здоровье не позволило бедняжке сопровождать нас. – заученно врала я. - Святой отец и местный префект выдали нам письмо, благодаря которому хозяйка свечной лавки, мадам Жермен приняла нас на постой.

- Судя по фамилии, ваш род некогда относился к знати? – уточнил принц.

- Удивительно, что вы подметили это. – похвалила я принца и с ноткой грусти продолжила. - Наш род, действительно, когда-то был богат и знатен, но уже давно разорился и от всего состояния осталось нам с сестрой лишь доброе имя, Ваше Высочество. Его, да еще свою честь мы и бережем, как зеницу ока.

- Это весьма похвально, мадемуазель. – Гастон вдруг прищурился, а в глазах его вдруг промелькнула какая-то, только ему одному пока известная мысль.

- Ваше Сиятельство, - сказала я мягко, так, чтобы он точно почувствовал подтон, - я... я никогда не забуду этот день. Сегодня Вы позволили мне доказать, в первую очередь себе, что даже скромный труд может быть замечен. И даже бедные сестры, вынужденные создавать своими руками мыло, чтобы прокормиться, могут сохранить достоинство, если решатся действовать.

Он снова слегка кивнул, одобряя мои слова. Герцог Орлеанский смотрел на меня с задумчивым интересом, будто крутил в голове какую-то идею.

Гастон встал с кресла и произнес учтиво:

- Ну что ж, мадемуазель, ваша смелость и умение себя подать сделали своё дело. – принц взял секундную паузу и тут же многозначительно добавил. - И, смею надеяться, это лишь начало.

Я кивнула, слегка поклонившись. Я не понимала, о чем была последняя фраза герцога Орлеанского, но отчего-то знала, чувствовала совершенно точно: этот день навсегда изменит мою жизнь.

Гастон взял со стола колокольчик и позвонил. Тут же в кабинете бесшумно возник лакей, словно прятался за портьерой или вообще материализовался из воздуха.

- Надеюсь увидеться с вами снова, мадемуазель дю Валь. – попрощался со мной принц.

- Всегда к Вашим услугам, Ваше Высочество, - присела я в реверансе, и, подхватив свою опустевшую корзину, вышла вслед за лакеем.

Глава 10. На расстоянии вытянутой руки

Слуга, которому Гастон приказал меня сопроводить до выхода, шел запасными боковыми коридорами. «Как они не путаются в этом лабиринте?» - удивлялась я. Для меня все двери здесь были похожи одна на другую, и я бы точно бродила по бесконечным коридорам, окликая людей, как герой старого советского фильма: «Люди! Люди!»

Но слуга знал, куда идти, и уверенной походкой вёл меня к служебному выходу. Оставалось всего пару поворотов, я уже даже слышала шум двора, когда из смежного коридора, видимо, ведущего во внутренний дворик, вдруг появилась на нашем пути четвёрка стражников. Судя по всему, это были не простые охранники, потому что слуга остановился, желая пропустить мушкетеров, и низко поклонился. Я замешкалась и успела увидеть, что на всех мужчинах были довольно дорогие плащи из бархата с отделкой и узором в виде креста. На бедре у каждого из них красовалась дорогая, инкрустированная камнями шпага.

- Д'Эстре! – сказал вдруг один из мужчин и обернулся назад, к кому-то из четвёрки. - Ты только вернулся и вот уже снова уезжаешь по указанию монсеньора. Отложил бы отъезд на день-другой. Не думаю, что кардинал был бы против. Дамы заскучали без твоих ласк, а мы без разговоров за бокалом рейнского.

Мое сердце сделало кульбит. Словно бешеное, оно застучало о грудную клетку, напоминая о главном королевском гвардейце всей моей жизни, что причинил столько боли. Замерев от неожиданности и страха, я стояла у каменной стены коридора, наклонив голову пониже, чтобы глубокий капюшон точно скрыл мое пылающее лицо. И тут я услышала где-то сверху, над головой голос. Его голос. Франсуа усмехнулся так, как умел только он, и устало произнес:

- Сейчас недосуг распивать вино, барон. Вот покончим с делами, тогда и повеселимся.

Он был в двух шагах от меня! Человек, которого я люто ненавидела все эти месяцы и так же сумасшедше любила, который чуть ли не каждую ночь приходил ко мне во снах, был совсем рядом. Но я не могла выдать себя. Ни за что! И поэтому лишь еще ниже склонилась в поклоне, пряча лицо.

- Кажется, кухня и торговые помещения не в этом крыле. - неожиданно обратился д'Эстре к слуге, который сопровождал меня к выходу.

Я затрепетала от страха. Что будет, если Франсуа прикажет поднять голову?

- Да, господин виконт. - проскрипел старый лакей. - Но я провожаю мадемуазель, которая приносила мыло для придворных дам по указанию Его Высочества.

- Мыло для дам? – удивленно повторил один из стражников и вдруг расхохотался. - Гастон умеет удивить.

Раздался гогот. Смеялись все, кроме виконта. Он лишь сухо заметил:

- Пусть лучше будет занят хорошенькими торговками мылом, чем всякими безумными идеями.

- Это точно, - согласился тот мушкетер, что предлагал Франсуа задержаться в Париже.

- Проходите. Да поживее. - приказал нам четвёртый солдат, до того молчавший.

Получив разрешение идти, слуга пнул меня в бок, и я шагнула вперед, все также не поднимая головы. Ноги тряслись от страха и одновременно от странной слабости, такой же как тогда, когда Франсуа ворвался после приема в замке в мою каморку. Боже! Казалось, что это было тысячу лет назад, в далеком прошлом. А сейчас он тут, совсем рядом со мной. Я слышала его голос и при желании могла бы дотронуться рукой. Но это было невозможно, и от того - почти физически больно.

Я едва сдерживала слезы. Но как только миновала чёрный вход, торопливо распрошались с лакеем, пересекла задний двор и вышла через служебные ворота, меня накрыло. Дождь все-таки пошел, и теперь поливал нещадно все вокруг – дома, телеги, лошадей и несчастных про-

хожих. Тонкая накидка не спасала от ветра и влаги. Корзина казалась невероятно тяжёлой, хоть и была пуста. Я шла по серому и сырому городу в сторону восточной окраины, ноги и платье мое промокли, но плакала сейчас не только природа. Рыдало мое сердце.

От невозможности быть рядом.

От чувств, столь сильных, что я могла бы отдать все за один лишь его взгляд, за один только поцелуй.

От ярости и ненависти за предательство.

Так мерзко я никогда еще себя не чувствовала. И я решила, что лучше буду на него злиться. И все нерастраченные чувства переведу в месть. Я обязана отомстить этому снобу. Человеку, который растоптал мое сердце и даже не вспоминал теперь об этом, думая лишь о своей службе. Я должна стать счастливой. Добиться чего-то большего, чем приносить мыло ко двору и терпеть насмешки. И я сделаю все, чтобы так случилось, и чего бы мне это не стоило!

Этель я ничего не сказала. Пришла домой с пустой корзиной и в мокрой насквозь одежде. Подруга бросилась меня отогревать, заставила переодеться в сухое, заварила какие-то травы, силу которых знала только она, а потом усадила за стол и спросила:

- Как все прошло?

- Откуда ты знаешь? - удивилась я. Неужто мадам Жермен проболталась?

- Дорогая, мне не семнадцать лет, и я достаточно долго живу на свете. А еще я видела, как тщательно ты сегодня собиралась «на рынок». Не стоит держать меня за дуру. Я понимала, что ты не отступишься. Поэтому и дала тебе новинку - саше с травами. Думаю, они неплохо разошлись.

- Анна была от твоих саше в восторге, Этель. Мылом не удивить королеву, а вот идея с саше сработала.

- Королеву? Ты говорила, там должны были быть лишь придворные дамы.

- Они были. - подтвердила я. - А потом пришла сама королева. Представляешь?

Этель молчала, переваривая информацию.

Через минуту к нам постучала мадам Жермен. Её любопытство перевесило всякие приличия и она, ворвавшись, как только Этель разрешила войти, тут же принялась расспрашивать подробности.

Мы сидели долго. Я пила горячий травяной настой, заботливо заваренный Этель, и по десятому кругу рассказывала, как оказалась в Лувре и что там делала. Меня смешила реакция мадам Жермен, которая искренне удивлялась и просила повторить снова и снова мой поход во дворец во всех красках. Ее интересовало все – от того, как изнутри выглядит Лувр, до одежды знатных дам.

Не рассказала я только об одном - о случайной встрече в коридоре. Не могла признать, что Этель в который раз оказалась права.

Глава 11. Ночной визит

С момента моего визита в Лувр прошло несколько недель. Я еще помнила каждое мгновение этого удивительного события, но все же новые дела и задачи постепенно вытесняли яркость впечатлений. Порой казалось, что это и вовсе было не со мной, а с кем-то другим.

На рынке я предпочла не распространяться о том, что нашим с Этель мылом теперь пользуются знатные дамы. Я все также каждый день несла на рыночную площадь полную корзину мыла, трав, мазей от Этель, расхваливая наш товар. В редкие моменты отдыха, когда спина затекала от тяжелой корзины и я снимала ее с плеч и опускала наземь, чтобы перевести дух, я болтала с барахольщиком Будо и шутила с другими торговцами. На рынке Сен-Антуан меня теперь называли не иначе, как «мыльная принцесса», но я не обижалась и на глупое приветствие намерено делала реверанс и улыбалась. Смысл спорить, если и прозвище милое, и история чудесная. Но на рынке недолго живут сплетни. Совсем скоро история с появлением на площади Гастона Орлеанского сотрется из памяти людей, вытесненная новыми скандальными событиями. Так работает пиар, что поделать.

К слову, популярность нашего с Катрин мыла выросла после визита кронпринца в разы. Все благовоспитанные горожанки, знающие эту историю, считали своим долгом купить хотя бы один кусочек мыла Этель. Всем страждущим я предлагала пройти в свечную лавку мадам Жермен и в спокойной обстановке выбрать все, что им нравилось. Я придумала раздавать крохотные визитки, где от руки, без всяких картинок и других украшательств, но все же очень изящно было написано господином Бертье, нашим соседом: «*Мыло Этель дю Валь*» и адрес. Женщины прятали карточки в лиф и в карманы и действительно возвращались к нам через некоторое время.

Работы в лавке прибавилось. Мадам Жермен, удивленная наплывом посетителей, носилась между прилавками и кухней, где безостановочно кипел воск и разливался взъерошенным Пьером по формам. Этель консультировала в лавке. Она спрашивала о предпочтениях дам, узнавала, с какой проблемой те пришли, и продавала травы, сборы, ароматные саше и мыло. Иногда она стала предлагать свои мази. И хотя лицензии на лекарства мы не получали, вскоре за мазями и скрабами моей сестрицы выстроилась очередь.

Я все еще иногда навещала рынок, в основном, чтобы повидаться со старыми знакомыми и раздать еще немного визиток, расширяя круг наших покупателей.

В тот апрельский вечер мы уже закончили со всеми делами, заперли лавку и подготовили ассортимент на утро. Скромный ужин, не очень плотный, скорее лишь для поддержания тонуса в организме из луковицы, хлеба и вареного яйца, был съеден. Мы поговорили с мадам Жермен и господином Бертье о жите-бытье и собирались уже подниматься в свою мансардную комнату для сна, как вдруг в запертую дверь настойчиво постучали.

В растерянности я переглянулась с Этель и тетушкой Жермен. Никто из нас не ждал гостей в столь поздний час. Возможно, кто-то ошибся адресом? Однако в дверь продолжали тарабанить.

Мадам Жермен, как хозяйка дома решительно направилась к входной двери и сурово спросила:

- Кому неймется в столь позднее время, что он решил разбудить благочестивую вдову и ее честных постояльцев?

Стук прекратился и человек за дверью поставленным голосом глашатая объявил:

- Вестовой от Его Высочества, герцога Орлеанского. Приказываю отворить!

Глава 12. Письмо

Вдова с округлившимися от испуга глазами поспешила отпереть тяжелый засов. Скрипя, дверь открылась и в лавку вошел человек в темном плаще и шляпе, слегка наклонив голову по причине высокого роста.

- Мне велено доставить письмо для Катрин дю Валь. – пробасил вестовой, и я сделала шаг вперед, давая понять, что искомый объект перед ним.

- Здравствуйте, милорд. Катрин дю Валь – это я.

- Возьмите. – протянул мне посыльный сложенную бумагу с гербом Орлеанского дома.

– Вы владеете грамотой, мадемуазель?

Я кивнула и взяла хрустящую бумагу, исписанную свежими, еще пахнущими чернилами. Письмо было написано ровным, красивым почерком. Сообщение в нем гласило:

«*Мадемуазель,*

Судьба благоволила даровать мне возможность узнать о вашем благоразумии и редкой скромности, что отличают вас среди юных особ. Мне бы хотелось воздать должное столь достойным качествам, и, если вам не покажется это тягостным, сказать об этом лично. Посему прошу вас пожаловать сегодня же, в полночь во флигель, примыкающий к моим покоям в Лувре. Вас встретит человек, которому вы можете доверять без опасения; скажите ему лишь, что вы пришли по моему поручению. Не тревожьтесь, мадемуазель: разговор наш не коснётся ничего, что могло бы смутить или опечалить вас. Я лишь желаю открыть вам путь, который, надеюсь, окажется для вас столь же почётным, сколь и полезным.

Да хранит вас Господь,

С искренним моим расположением,

Писано моей рукой, в Лувре, сим вечером.»

Меня окатило волной жара. Неужто он сам, собственноручно написал письмо? Не верилось. Этель, стоявшая рядом со мной, бросила беглый взгляд на текст послания и понимающе кивнула.

- Сколько у меня есть времени, чтобы собраться? – спросила я. Голос мой почему-то дрогнул и показался чужим.

- Сколько потребуется, но не стоит мешкаться. Их Высочество не любят ждать слишком долго.

Я понимающе поклонилась и в сопровождении Этель отправилась на второй этаж, чтобы собраться в дорогу. Мадам Жермен вместе с господином Бертье остались в компании посыльного. Поднимаясь по крутой лестнице, мы услышали, как хозяйка угодливо предложила:

- Не желает ли мсье вина? У меня есть неплохой сотерн, держу для особых случаев.

Уже в нашей комнате Этель уставилась на меня и зашептала торопливо:

- Ох, Катрин, чувствую я, не к добру это.

Не отвечая ей, я бросилась собираться, натягивая самое лучшее платье для выхода, что у меня было – простое, синее, из крепкой ткани с едва заметной полоской тоненького белого кружева. Этель поспешила мне помочь, затягивая завязки корсета, надетого на нижнюю сорочку.

- Не стоило тебе ходить в Лувр, дорогая. Теперь хлебом горюшка.

- Перестань, Этель. Не нагнетай! – шептала я в ответ подруге, а у самой поджилки тряслись от страха при мысли о том, что прямо сейчас мне придется отправиться в королевский замок. Для чего? Зачем? – Возможно, он просто хочет поговорить, предложить что-то. Неужели ты думаешь, что брат короля решил посягнуть на мою честь? Думаю, для этого найдется целая толпа желающих и посвежее.

Я нервно усмехнулась. Нет, тут явно что-то другое. Но вот что?

- Что бы тебе не предложили, Катя, - шептала подруга, - не соглашайся сразу, молю. Возьми паузу, попроси дать возможность подумать, взвесить все «за» и «против». Иногда ты слишком спешишь, принимая решения.

Несмотря на то, что это было правдой, слушать отповедь Этель было неприятно, поэтому я лишь тихонько фыркнула в ответ. Больше на разговоры времени не было. Посыльный ждал меня внизу, попивая лучшее вино из запасов мадам Жермен. Поэтому я поправила волосы, попросила Этель покрепче приладить шпильки, набросила накидку на плечи и спустилась вниз. За мной шествовала молчаливая подруга. Казалось, что срочный вызов в Лувр удручал ее намного больше, чем меня.

- Не волнуйся, все будет хорошо, - обняла я Этель, успокаивая, и поспешила к входу.

Посыльный одним залпом осушив бокал, с громким стуком поставил его на стол и, вытирая усы, встал со стула.

- Поедемте, мадемуазель.

Мы вышли на улицу, где прямо у крыльца перетаптывалась лошаденка, запряженная в маленький неприметный возок без опознавательных знаков. Посыльный открыл дверцу, и я юркнула в темное чрево кареты, совершенно не представляя, чем окончится для меня эта поездка.

Глава 13. Предложение, от которого не отказываются

Всю дорогу к Лувру я не находила себе места. Чего же хочет от меня герцог Орлеанский? Чем могла я, простая торговка мылом с рынка на площади Сен-Антуан, послужить брату короля? Я совсем не юна и не так прелестна, чтобы увлечь этого юношу. Но тогда в чем смысл его приглашения? Одно дело – визит во дворец, чтобы эпатировать придворных дам и несколько выслужиться перед королевой Анной. Другое – пригласить меня во дворец под покровом ночи, чтобы что?

Ответа на все эти многочисленные вопросы я не знала, поэтому пришлось усмирить свое любопытство и просто ждать.

Наконец, карета остановилась в переулке у черного входа, но я не узнала места, через которое однажды утром заходила. Видимо, дворец имел несколько ворот и эти были предназначены не для торговли, а совсем для других нужд.

В полной тишине вместе с сопровождающим меня гвардейцем мы прошли короткий путь от входных ворот до небольшого бокового флигеля, где, исходя из текста письма, и должна была состояться наша встреча с кронпринцем.

И снова все те же тихие полутемные коридоры, устланные коврами, которые гасили шум шагов, и редкие канделябры с тускло горящими в них свечами. Мы у неприметной двери, похожей на десяток других, что встретились по пути.

Гвардеец замешкался лишь на секунду, а потом тихонько стукнул по деревянной дубовой поверхности согнутыми костяшками пальцев. За дверью послышался тихий шорох, а потом уже знакомый мне голос отозвался:

- Войдите, - произнес он, и у меня все внутри пришло в дикое волнение.

Сжимая в руках платок, я робко шагнула в проем и остановилась на пороге. Сердце билось быстро: от страха и неизвестности. Дверь за мной захлопнулась, отрезая путь к отступлению.

В небольшой комнате с тяжёлыми зелёными портьерами, куда не проникал шум коридоров, ожидал Гастон Орлеанский. Лунный свет едва пробивался через узкие окна, бросая тонкий бледный отсвет на его темный бархатный камзол и перья на шляпе. Он задумчиво расхаживал взад-вперёд, держа руки за спиной, явно нетерпеливый.

Гастон остановился, посмотрел на меня и вдруг тепло улыбнулся.

- Мадемуазель дю Валь, приветствую вас. Простите, что пришлось сорвать вас с места в столь поздний час, но боюсь, дело не терпит отлагательств. Помните, как фрейлины восторгались вашим мылом? И даже королева обратила на него внимание, одарив нас своим присутствием. Скажу честно: не каждая девушка с рынка умеет так держаться среди дам двора.

Я низко поклонилась, сдерживая волнение. Слишком издалека начал принц. К чему бы это?

- Ваше Высочество... я лишь принесла то, что мы создаем вместе с сестрой.

Гастон галантно опустил на край стула.

- Именно этим вы и отличаетесь. Честность и смелость... А еще умение держать себя, не теряя простоты. Слышите меня? Я запомнил, какую неловкость вы испытали, оказавшись передо мной без перчаток. Но смогли держаться естественно и с достоинством.

- Да, Ваше Высочество. - тихо проговорила я, не смея перечить.

Однако... Я пока не понимала, к чему он клонит, но стало ясным одно - этот с виду легкомысленный и тщеславный юноша очень внимателен к деталям. Стоит следить за каждым своим словом и аккуратно формулировать ответы.

Гастон вновь поднялся, обошел комнату, и сказал уже мягче:

- Хочу предложить вам кое-что необычное. Ваши природные качества могут сослужить отличную службу государству, а значит, и вам, мадемуазель дю Валь. Думаю, вы понимаете, что означает сама возможность переместиться с рынка в Лувр и послужить Короне?

Я понимающе кивнула:

- Даже мечтать о таком - честь для меня, Ваше Высочество.

Юноша усмехнулся, отмечая мой ответ.

- Я предлагаю вам не просто мечтать, а получить желаемое. Не сразу фрейлиной, не сразу при королеве, но..., например, под моим покровительством. А дальше все зависит исключительно от вас.

Я все равно не понимала, чем заслужила такую честь, но спросить не решалась. Слушала витиеватые фразы, пытаясь продраться к истинным смыслам предложения королевского брата.

- Я могу устроить так, - продолжил герцог, - чтобы ваши ум и труд были замечены при Дворе. Для этого требуется лишь ваше согласие. А дальше - обучение в подходящем монастыре некоторое время и возвращение в Лувр в качестве младшей фрейлины. Все девушки, что поступают во дворец идут примерно таким путем. Никто не осмеев вас, и вы сможете научиться всему, что необходимо, чтобы достойно служить.

Я замерла, не веря тому, что сейчас услышала.

- Но... я всего лишь простая девушка с рынка Сен-Антуан. Смогу ли я соответствовать Вашим ожиданиям?

- Я вижу в вас больше, чем рынок и мыло, - сказал Гастон с лёгкой улыбкой. - Если вы согласны, я лично прослежу, чтобы вас приняли и обучили. Скажем так... я беру вашу судьбу под свою ответственность.

Я не верила своим ушам. Видимо, как не бегай от судьбы, от нее все равно не убежать. Рано или поздно придется столкнуться с ней нос к носу. Как ни просила Этель взять паузу, я не смогла даже подумать о том, чтобы торговаться. Не тот случай. «Только почему я?» - не давала мысль покоя. Да вокруг Двора полно семейств, которые с радостью отправят дочь во дворец. Стать фрейлиной – не это ли цель для многих знатных фамилий?

Я склонила голову и ответила так, чтобы Гастон не сомневался, что это честь для меня, по легенде бедной дворянки, вынужденной торговать мылом:

- Я благодарю Ваше Высочество за столь высокое доверие, мне оказанное.

Гастон довольно улыбнулся, словно и не ждал никакого другого ответа. Что ж, это было логично. Не знаю, кто бы мог в здравом уме и трезвой памяти отказать брату короля в его милости.

- Отлично! - добавил он несколько пафосно. - Пусть Париж и Лувр увидят, что не только бархат и золото делают человека достойным внимания. Отпускаю вас, мадемуазель дю Валь. Прямо завтра к вам явится человек и все объяснит. А пока возвращайтесь к семье и собирайте необходимые вещи.

- Благодарю Вас, - только и оставалось сказать мне.

Он махнул рукой, и отдал короткое указание:

- Проводите.

Дверь бесшумно отворилась и тот же гвардеец, будто прятанный весь разговор прямо за нею, жестом позвал меня за собой. Я поклонилась принцу и вышла из кабинета, кожей ощущая, как мир, который в прошлый визит во дворец казался недоступным, как вершина Олимпа, вдруг становится моим настоящим.

Глава 14. В дорогу

Домой я ехала ошеломленной. Голова пухла от мыслей, которые путались и скакали от одного предмета размышления к другому. Меня одолел рой вопросов, ответить на которые я была не в силах. Что задумал Гастон? Для чего ему вкладываться в мое обучение и вводить во Двор? Мало ли действительно молодых девушек, желающих стать камеристками придворных дам? Явно все это было неспроста. Этель как-то говорила, что принц очень тщеславен и себялюбив. Он склонен к интригам. И ясное дело, что обедневшая, пусть и по легенде приличного происхождения девушка - неровня самому младшему брату правящего монарха. Орлеанский неоднократно повторил, что хочет верности и службы на пользу Франции. Но это могло значить все что угодно. Совершенно ясно было только одно - я стану невидимыми глазами и ушами герцога во дворце, в покоях своей хозяйки, а может, и самой королевы Анны. Этого ли ты хотела, Катерина, мечтая попасть во дворец? Нет. Но отступать было поздно. Отказать такому человеку - подписать себе приговор.

Выхода не было.

А потом я подумала о том, что судьбе виднее. И что мое положение при Дворе, будь там я всего лишь служанка знатной дамы, - уже достижение. Я же хотела доказать себе и Франсуа, что могу больше? Вот, получай и распишись.

Только выдюжи сама, это тебе не с Жанной Деборо кое-чем мериться. Стало до одури страшно от понимания того, куда я вляпалась. Да, пока я буду лишь прислугой, камеристкой у знатной дамы, риски минимальны, но вдруг она, например, попадет в немилость?

У меня даже ладошки вспотели от волнения, пока я думала обо всем этом. Карета тряслась по булыжной мостовой, возница вез меня на восточную окраину, в маленький домик мадам Жермен. А я сидела внутри ни жива, не мертва и тряслась от страха и неизвестности.

Надо ли говорить, что спать в тот вечер мы легли под утро. Этель в волнении ходила по комнатке и качала головой. Такой растерянной я ее никогда не видела. Она не могла поехать со мной. Во-первых, её никто не приглашал. А во-вторых, она и сама не хотела и не могла бросать наше дело, которое только-только начало приносить прибыль. Хорошо ещё, что клиенты теперь приходили к нам домой, в лавку мадам Жермен. Этель не придется таскать на рынок тяжёлую корзину, ведь одному слишком трудно и варить мыло, и продавать его. Кроме всего прочего, я надеялась, что обучение в монастыре в Шель не затянется надолго. Герцогу я нужна ко Двору как можно скорее, а значит, это больше для видимости, чем действительно необходимо.

- Потерпи, дорогая, это всего на месяц. - успокаивала я подругу. - А потом...

- Хочешь сказать, что потом ты вновь вернешься сюда, наденешь на плечи корзину и пойдешь, как прежде, торговать на рынке, Катрин? Нет, моя милая, эта страница твоей жизни перевернута. Отныне ты будешь находиться при Дворе и ещё хороший вопрос, к какой даме ты попадешь в услужение. Благо, если она будет тиха, добра и не конфликтная, а если наоборот?

- Её пугай меня, Этель, мне итак жутко страшно. - скривилась я. - Можно, я как Скарлетт, подумаю об этом завтра.

- Скарлетт? Не понимаю, о чем ты.

Конечно, не понимает. Эта книга и фильм обошли юность Этель стороной. Но я-то помнила.

Я махнула рукой, мол, неважно и продолжила собирать свои немногочисленные вещи.

На рассвете за мной прибыла карета. Она не была отмечена королевским гербом и не представляла особенного интереса для любопытных. На такой карете мог бы ехать кто угодно.

Я собрала свою кожаную сумку-мешочек, где хранились женские безделушки и немного монет, что отсыпала мне Этель, обняла хозяйку дома и свою подругу и вышла на крыльцо.

Где-то справа, за домами, на горизонте занимался рассвет, окрашивая край неба в розоватый цвет. Утренняя прохлада заставила меня поежиться. Старик Бертье вынес мой сундучок с бельем и передал его возничему. Тот пристроил багаж на козлах позади кареты и отворил мне дверцу. Махнув близким людям рукой, я по ступеньке взобралась внутрь кареты, чтобы устроиться на мягком сидении. Каково же было мое удивление, когда внутри я увидела незнакомую мне женщину, одетую в дорогое парчовое платье и с массивными перстнями на длинных изящных пальцах.

На секунду я замешкалась, с удивлением воззрившись на попутчицу, но потом собралась и произнесла любезно.

- Доброе утро, мадам.

- Здравствуйте, мадемуазель дю Валь. Монсеньор велел мне сопровождать вас в вашем путешествии. У меня как раз есть кое-какие дела к аббатисе Марии.

- Для меня большая честь путешествовать с вами, - соврала я, хотя даже имени незнакомки не знала.

Женщина бросила на меня испытующий взгляд и усмехнулась.

- А вы, и в правду, держитесь неплохо. Меня зовут Мадлен де Ля Рош. Будем знакомы.

- Очень приятно. - открыто улыбнулась я, пытаюсь создать о себе лучшее впечатление. В конце концов, от меня не убудет, а от слов мадам зависит слишком многое в моей жизни при монастыре.

Возничий, зевая, взмахнул хлыстом, лошади заржали, и карета тронулась.

Глава 15. Обитель

Шель, конец марта 1626 года

Мы выехали из предместья Сен-Антуан ранним утром, когда воздух ещё пах ночной прохладой, а улицы были затянуты дымкой. За ставнями домов слышались первые звуки пробуждающегося города. Где-то лаяли собаки, продавцы окликали первых прохожих со скрипом открывая свои лавки.

Наша карета медленно катилась по узкой улице, где дома стояли так близко, что казалось, что солнцу будет непросто втиснуться между ними. Я выглянула из-за потертой бархатной занавески. Сыровато-землистый запах кожаных мастерских, отблески воды в бочках, женщины с корзинами, спешащие к рынку. Ко всему этому я привыкла за последние месяцы, но именно сегодня явственно чувствовалось, будто мой мир изменился, и мое окружение больше никогда не будет прежним.

Как только мы покинули предместье, городская теснота потихоньку растворилась. Дорога вывела нас к тяжёлым каменным воротам, у которых дежурили стражники с копьями в руках. Перья на их шляпах покачивались, когда они отвешивали поклоны королевской карете. Она подпрыгнула на очередной выбоине, и я, сжав затянутые в тонкие перчатки дрожащие пальцы, старалась не показывать, как сильно взволнована.

За городскими воротами Париж постепенно исчезал. Жилой гул сменился тишиной, теснота улиц просторной дорогой, петляющей среди пока еще пустых полей, виноградников и небольших рощиц.

За городом моя сопровождающая, госпожа де Ля Рош, до того будто дремавшая, оживилась. Она внимательно посмотрела на меня и заметила, хотя я и не спрашивала:

- Путь до монастыря Шель обычно занимает около часа или чуть больше, в зависимости от того, какая сегодня дорога. Если она влажная, получится чуть дольше. Но сегодня довольно сухо, значит, наше путешествие будет быстрым.

Я понимающе улыбнулась и решила, что молчать неприлично. Поэтому решила польстить самолюбию Мадлен, женщины лет сорока пяти в добротный, украшенном кружевом платье.

- Благодарю вас за то, что составляете компанию в этом путешествии. Я не знаю, что ждет меня в монастыре, а неопределенность, как известно, выматывает гораздо больше.

Мадлен понравились мои слова. Она поправила подол своего золотого платья с коричневой отделкой и милостиво склонила голову. Широкий кружевной воротник, почти вышедший теперь из моды, на ее платье качнулся в такт.

Колёса катились мягче, чем по городской мостовой, убаюкивая, а мне казалось, вопреки словам знатной дамы, что дорога растянулась до безобразия. Я смотрела на сероватые облака пыли, поднимающиеся из-под копыт лошадей, на ряды пока еще голых тополей вдоль дороги, на крестьян, что поднимали головы, провожая взглядом карету, и мечтала только об одном – поскорее добраться до места.

Я думала о том, что ждёт меня впереди за стенами старинного монастыря? В голове всплывали образы из старых, когда-то увиденных мною фильмов, где смешивались холод каменных коридоров, часы учёбы и молитв и строгие бесстрастные монахини. Все это было столь чуждо моему сердцу, что страх и призрачная надежда на все-таки короткое пребывание в монастыре смешивались, как вода с вином.

Примерно через час карета свернула к Шелю. За голыми, без зелени деревьями показались стены высокие монастыря. Солнце поднялось уже довольно высоко, и на крыши монастырских построек ложились мягкие лучи, будто хотели сгладить суровость этого нового мира. В воздухе витал запах влажной земли и леса, смешанный с едва уловимым ароматом ладана,

доносившимся из часовни. Карета, дребезжа, покатила по вымощенной камнем мостовой, и я почувствовала, как вибрация от стука по булыжникам проходит по ладоням.

Когда лошади остановились, я еще мгновение сидела неподвижно, слушала своё дыхание и собираясь с духом. Госпожа де Ля Рош дождалась пока возничий отворит дверцу и подаст ей руку и, тяжело вздохнув, выбралась наружу. За ней последовала и я.

Первое, что привлекло мой взгляд, это монастырские ворота: массивные деревянные створки с коваными железными полосами, покрытые следами ржавчины от частых дождей и утренних туманов. Они словно держали монастырь в строгом оцеплении, предупреждая о порядке, царящем за ними.

Вместе с мадам де Ля Рош мы вошли за массивные ворота, которые открыли нам сторожа, и осмотрелись. Двор был огромен. Колокола где-то высоко над крышей отзывались тихим эхом, созывая монахинь на службу. Прямоугольные каменные здания с серыми черепичными крышами окружали ухоженные клумбы и аккуратные дорожки. Сад еще не цвел, но пах свежей землёй, и я ощущала холод от росы на обуви.

К нам поспешила подойти монахиня, которая, поздоровавшись с моей наставницей, обещала сопроводить нас к аббатисе.

- Дорогая сестра Элиза, - с почтением сказала Мадлен де Ля Рош, - разрешите представить вам Катрин дю Валь. Герцог Орлеанский просил вас смириться над бедняжкой и обучить её элементарным правилам этикета. Это воля принца, сами понимаете, а кто мы такие, чтобы ей противиться?

Пока женщины разговаривали, я успела разглядеть монахиню. На вид ей можно было дать около сорока. Лицо её, светлое и спокойное, с умными чёрными глазами, отметились неглубокими морщинами у глаз, которые стали следами долгих лет молчаливого размышления. Взгляд — прямой и ровный, без суеты, как у человека, привыкшего к тишине.

Белая накрахмаленная гимнах плотно охватывала шею, поднимаясь к подбородку строгой линией. Чёрная вуаль обрамляла лицо простым, тяжёлым овалом, скрывая волосы и всё мирское. Тёмное платье падало прямыми складками, скапулярий тянулся ровной полосой, а на потёртом поясе висели четки, которые её суховатые пальцы перебирали без спешки. В её облике не было показной строгости, лишь сдержанность и тихая устойчивость человека, давно нашедшего своё место.

Пока мы шли, Мадлен и сестра о чем-то тихо переговаривались, но я не разобрала их беседы. Монахини, что проходили мимо, кланялись нам, низко опускаясь в реверансе, но делали все это беззвучно. От того какое-то тревожное чувство накатило на меня. Здесь все отличалось от знакомого мне шумного и многоголосого рынка. Все было чужое и незнакомое, а потому навевало уныние.

Пройдя через мощный двор, мы вошли в одно из зданий - каменное, с узкими окошками-бойницами и черепичной крышей.

- Матушка совсем ослабла за эту зиму. - услышала я тихий голос монахини, что сопровождала нас к настоятельнице. - Она почти не выходит из своей кельи, дабы не простудиться, но все еще крепко управляет обителью.

Мадлен де Ля Рош горести покачала головой, выражая сочувствие.

Мы вошли в корпус, где судя, по всему, жили насельницы, миновали длинный коридор, свернули направо и поднялись по каменной лестнице на уровень второго этажа. Там, по-видимому, находился кабинет настоятельницы матушки Марии.

Наша троица остановилась у простой деревянной двери, и сестра Элиза осторожно постучала, прося разрешения войти.

- Матушка, можно?

Я услышала сначала кашель, удушающий, долгий, а потом и слабый возглас «Войдите». Эх, жаль, что Этель не могла поехать со мной. Возможно, болезнь матушки победила бы моя

знахарка. Задумавшись, я замешкалась. Мадам де Ля Рош слегка толкнула меня в бок, вынуждая войти в келью настоятельницы и мне ничего не оставалось, как сделать несколько шагов вперёд, переступая порог.

Глава 16. Монастырские порядки

В небольшом полутемном помещении, что располагалось над трапезной нас ожидала настоятельница – сестра Мария. Это была довольно пожилая женщина лет восьмидесяти с изможденным усталым лицом. На лице ее, исчерченном морщинами выделялись лишь глаза – все еще живые, яркие, смотрящие с интересом. Матушка внимательно вглядывалась в наши лица, пытаясь узнать вошедших. Наконец, тень узнавания промелькнула на ее лице, и она встала из-за стола и тяжелой, чуть шатающейся походкой пошла нам навстречу.

- Кто это к нам пожаловал, Элиза? – спросила старушка.

- Здравствуйте, матушка Мария! – проговорила моя сопроводительница, склонив голову.

- Ах, Мадлен, дорогая! Думала, уже и не увижу вас более. Но Господь милостив, и вы посетили нашу обитель с визитом. Что же привело вас сюда?

Женщины обнялись и наконец обратили внимание на меня, переминающуюся с ноги на ногу у входа рядом с монахиней.

- Я привезла к вам новую воспитанницу для обучения по распоряжению Его Высочайшего Высочества. Эту девушку Катрин дю Валь необходимо подготовить для службы при Королевском Дворе. – указала на меня Мадлен. – А ваши сестры, матушка, могут справиться с этим поручением в кратчайшие сроки.

Я присела в глубоком поклоне, скромно опустив глаза, и пролепетала:

- Здравствуйте, *Ma Révérende Mère**.

Аббатиса коснулась своей рукой моей головы, как бы благословляя и велела подняться.

- Отведите Катрин в dormitorio*, сестра приоресса. – приказала настоятельница монахине, что сопровождала нас. – А мы пока обсудим с госпожой де Ля Рош кое-какие дела.

- Будет сделано, матушка. – бесстрастно ответила Элиза, и мы вышли из владений аббатисы Марии.

Вместе с Элизой, которая вызывала во мне лишь приятные эмоции, мы прошли по коридору и спустились на первый этаж, в спальню воспитанниц.

Так началось мое пребывание в монастыре. Ни Мадлен, ни настоятельница не сообщили, сколько мне предстоит оставаться в обители. Да, герцог Орлеанский говорил, что обучение в монастыре будет кратким, но сроки никто не указывал. Именно это и пугало.

Мне выдали простое серое платье с белым воротником. Материал был грубый и шершавый, он царапал кожу, а запах ткани напоминал о новом, непривычном мире, в который я попала. Спальня воспитанниц была небольшой, с узкими окнами почти под потолком через решётку которых почти не проникало солнце. Кровати были низкие, а соломенные матрасы на них тонкие, словно жидкие, видимо, для того, чтобы держать в строгости не только дух, но и тело. Запах древесины и воска витал в воздухе. На крохотном столике у моей койки стояла деревянная чашка и ложка, а на стене над изголовьем висело лишь деревянное распятие.

День начинался до рассвета. Звон колоколов рвал тишину, и мы, шесть девиц разного возраста, вставали с кроватей, чувствуя холодный камень под ногами. Утренние молитвы, слова которых я едва успевала выучить, звучали как музыка в почти пустом dormitorio, отзываясь эхом в моих ушах. Скучный завтрак проходил в молчании. Воспитанницы вместе с монахинями жевали темный хлеб, запивая тот слегка подогретым отваром трав. Напиток не согревал и холод от каменного пола и остывших за ночь скамеек впивался в ступни через тонкие кожаные туфли.

Правила в обители были строгими и ощущались в каждом движении. Нельзя было говорить без разрешения, нельзя касаться вещей других девиц, нельзя вставать без звонка. От этого каждый звук, будь то шорох платья, скрип пола или тихий вздох, казался чужеродным и слишком громким.

Обеды и ужины проходили так же молчаливо. Свечи мерцали, бросая тени на стены трапезной. Запах простого супа из овощей смешивался с древесным ароматом старых стен. Я наблюдала за другими девицами: как аккуратно они режут хлеб, как держат ложку, как ведут разговор с наставницей, и пыталась впитать каждое движение, чтобы не выделяться.

Ночи были особенно тихими. Лёжа на своей кровати, я слышала, как за окном ветер шумит в саду, как где-то в других спальнях скрипят половицы, как запах ладана и воска окутывал меня словно плотное облако. Прохлада каменных стен постоянно ощущалась на коже, я все время мерзла. В такие моменты я думала лишь о будущем и мечтала, как вернусь в Париж. Осталось лишь выдержать этот строгий распорядок, а если я смогу усвоить всё, что здесь требуют, то монастырь станет пропуском в тот мир, о котором пока приходилось лишь мечтать.

Постепенно я поняла, что Шель - это мир, где каждый звук, запах, прикосновение учат терпению и дисциплине. И, несмотря на усталость и одиночество, я чувствовала, что становлюсь частью этого мира.

Ma Révérende Mère* - Моя досточтимая матушка (фр.)

Дормиторий* - Помещение для проживания воспитанниц

Глава 17. Тяготы обучения

Монастырь Шель, апрель 1626 года

Жизнь наша в монастыре была строго регламентирована и напоминала день сурка. Каждый день одно и то же - молитвы, занятия, вышивка, ужин и снова молитвы. На монастырских скудных харчах я похудела. Платье, что выдали мне по приезду прилично так болталось. Ключицы выпирали, и я чувствовала, как осунулось лицо. Зеркал здесь не было, дабы воспитанницы не занимались излишним самолюбованием. Выручал корсет: достаточно было просто подтянуть завязки и лиф снова сидел по фигуре.

Дни не отличались разнообразием.

Мы просыпались ещё до рассвета.

«Колокол не зовет, он приказывает» - говорила наша наставница, сестра Элиза. И это было так. Его глухой медный звон проходил сквозь стены, сквозь сон, сквозь тело, будто напоминая, что здесь никто не принадлежит себе.

Мне и еще одной молчаливой послушнице, имени которой я не помнила точно, кажется, ее звали Мария, выделили отдельную каморку для воспитанниц. И хоть это была и не келья монахинь, но в ней было жутко холодно. Стылый камень не делал различий между теми, кто принял обет, и теми, кто лишь учился терпеть все трудности монашеской жизни.

Проснувшись, я садилась на узкой кровати, опуская ноги на каменный пол, и на мгновение закрывала глаза, готовясь к новому и иногда, будто бесконечно долгому, дню. Собравшись с духом, я наполняла глиняный кувшин ледяной водой и, вздрагивая, обливала ею лицо. В доме мадам Жермен мы всегда готовили воду с вечера, чтобы не было надобности утром бегать вниз и терять время. Здесь же были свои ритуалы, нарушить которые невозможно. Иногда мне казалось, что в их исполнении таилась сама суть монашеской жизни.

Умывшись, я поскорее натягивала платье – скромное, из тёмной шерсти, с узкими рукавами и высоким воротом. Сестра Элиза сказала в первый же день моего пребывания здесь: «Тот, кто не умеет быть скромным, не сможет быть изящным». Я повторяла эту фразу каждое утро, как мантру, и все равно в нее не верила.

После сборов мы, воспитанницы, выходили в коридор в полном молчании. Это было неспроста. В аббатстве тишина имела почти физическое ощущение веса. Она словно лежала на плечах тяжелой ношей.

На молитве я обычно стояла прямо, сложив руки, как меня учили. Однако в это время я часто думала обо всем, что угодно, только не о службе. Увы, но я не чувствовала того жара веры, о котором говорили некоторые монахини, в том числе и моя наставница. Думаю, это связано с моим светским воспитанием в мире будущего, о котором никто не знал здесь. Поэтому я училась неподвижности, спокойствию лица, ровному дыханию. Эти качества хорошо помогали скрыть истинные эмоции, а при Дворе должны были цениться не меньше, чем благочестие. Поэтому я тренировала волю и умение держать «лицо».

После молитвы следовал простой завтрак. Почти всегда он состоял из черствого хлеба с горячим напитком, заваренным на травах. Скудность трапезы объяснялась еще Великим постом, в период которого мне довелось приехать в Шель. Я медленно ела свой хлеб, стараясь сдержаться. Лучше, чтобы ни одна из монахинь не увидела кислого выражения, присутствующего на лицах почти всех воспитанниц, иначе не оберешься нравоучений.

Сестра Элиза обычно сидела за длинным столом напротив нас, наблюдая. На вид ей было около сорока лет, лицо выражало строгость, но не выглядело жестоким. Глаза - внимательные, серые, словно умеют видеть мысли. Наставницы шептались, что она правая рука аббатисы, и я в это охотно верила, вспоминая о первой встрече с нею и отношении аббатисы к этой мона-

хине. С послушницами и хозяйственными делами она управлялась так же ловко, как хорошо сказанные ключ поворачивается в замке.

После трапезы начиналось обучение.

Сначала мы осваивали походку. Ходили по галерее туда и обратно, держа книги на голове. Спину должно было держать прямо, подбородок высоко, а шагать коротко.

- Ваше тело - не мешок с брюквой, - говорила сестра Элиза, мягко поправляя плечи девушкам. - Вы несёте на себе честь собственного имени и Двора, который будете представлять.

От бесконечного хождения по галереям мои плечи горели от напряжения. Я чувствовала, как пот выступал под воротом, но не смела даже коснуться лба, чтобы утереть влагу.

Далее следовало учиться поклонам. Оказывается, они были разными. Так, следовало отличать поклоны для дам выше рангом, для равных самой себе, для мужчины, для духовного лица. Я запоминала углы наклона, глубину приседания, положение рук. Это было труднее, чем казалось на первый взгляд. Всего одна ошибка — и ты выставишь себя провинциалкой. А этого фрейлина не могла допустить даже в мыслях.

К полудню ноги неимоверно ныли. Я думала о Париже, о шелках, о зеркалах, о светлых залах. Я повторяю себе: «Терпи! Это обязательно закончится. Если я выдержу Шель, я справлюсь и при Дворе.»

После такого же скудного обеда, как и завтрак, нам дозволено было немного уделить времени письму и чтению. Я училась красиво выводить буквы, чтобы мое письмо не выдавало моего чужестранного происхождения. Перо скрипело, чернила пачкали пальцы и грубую бумагу. Эх, удивился бы мсье Бертье, увидев мои каракули. Что ж, от этих занятий хотя бы была польза. Во-первых, я наконец получила французский. А во-вторых, я увидела вдруг перспективу изучения грамоты. Как знать, если не сложится при Дворе, всегда можно пойти в помощники переписчика и этим зарабатывать себе на жизнь. Думая об этом, я улыбалась сама себе, вспоминая дружную атмосферу в доме мадам Жермен и свою Этель. Монахиня, что обучала нас, ловила мою улыбку и бросала строгий взгляд - смеяться без причины при монастыре считалось нарушением правил.

Во второй половине дня начиналась лекция с наставлениями.

Сестра Элиза садилась напротив меня:

- Катрин, - говорила она тихо, но так, что я сразу выпрямлялась. - При дворе говорят не только словами. Говорят взглядом, паузой, молчанием. Учитесь не спешить.

Она заставляла меня отвечать на воображаемые вопросы, не теряя самообладания. Я должна была уметь улыбаться, не показывая зубы. Опускать глаза, но не выглядеть робкой. Это было похоже на танец без музыки.

В некоторые дни мы занимались вышивкой или штопали белье при лучине. И тогда с непривычки у меня болели глаза, а толстые иголки кололи пальцы.

К вечеру я уставала так, что внутри звенела пустота. А говорить и вовсе не хотелось.

Вечерняя молитва проходила для меня как в тумане. Я стояла, слушала псалмы и думала о горячей ванне, о мягких подушках, о смехе. Всё это казалось далёким, словно из другой жизни.

Перед сном сестра Элиза иногда заглядывала в нашу комнату с Марией и подходила ко мне.

Сегодня она остановилась у двери.

- Мне показалось, Вы плакали ночью, - сказала она спокойно.

Я опустила голову. Отрицать было бесполезно. Я, действительно, иногда рыдала по ночам, устав от холода, голода и бесконечной зубрежки.

- Это нормально, - продолжила она. - Но здесь мы учимся не плакать вслух. Мир не обязан быть мягким к тем, кто хочет стоять близко к трону.

Она ушла, оставив меня размышлять над этими словами.

Я легла на узкую неудобную кровать, укрылась грубым шерстяным одеялом, под которым все равно не согреться, и долго смотрела в темноту. Каменные стены дышали холодом. Я сжимала руки на груди.

Я не создана для монастыря. Но я понимала: без этого этапа не будет следующего. И потому завтра, когда колокол снова прикажет мне проснуться, я встану.

Глава 18. Ночные гости

Мне казалось, я привыкла к монастырскому распорядку. Снова овладело мной чувство, будто я живу в Шель не недели, а десятилетия, настолько все было похоже изо дня в день.

Лишь один случай нарушил мой покой, зато показал, что мир гораздо теснее, чем я когда-то думала.

В тот вечер, мы как обычно улеглись в постель довольно рано. Ночь стояла тихая, серебряный лунный свет попадал в наше крохотное окошко под сводами потолка, от чего обстановка в комнате казалась волшебной. Я долго не могла уснуть. Мария, что делила со мной келию послушниц уже давно мирно сопела в своей постели, а я все лежала на жесткой койке и думала о том, как иногда удивительно шутит судьба.

Когда-то я жила в огромном мегаполисе, пользовалась телефоном, компьютером и кредитными картами, вела переговоры о поставках вина и терпела масляные намеки ИИ - моего руководителя. Но взмах волшебной палочки или посоха судьбы, уж как не назови, смысл один и тот же, и вот я посреди сурового монастыря в Шель, почти за четыреста лет до своего рождения, изучаю вместе с другими девицами науку придворного этикета, учусь держать спину ровно и вышивать крестом. Монахини относятся к нам снисходительно, понимая, что большинство из нас ждет судьба весьма незавидная - быть игрушками при влиятельных особах, лишь снаружи соответствуя строгой морали и церемониалу. А внутри двора царит порок, разврат и интриги. Нам говорят о чести и достоинстве, наперед зная, что ни одно из этих качеств не пригодится девушкам, отправленным сюда на обучение. Эта фальшь меня смешила. А еще наивность некоторых юных сестёр, которые искренне считали своим достижением попасть сюда. Наверное, родись я в эти времена, да еще без приличного приданного, я бы тоже так считала, но, увы, учитывая мой анамнез, было лишь смешно со стороны наблюдать пафос, коим преисполнились некоторые девушки. Я по крайней мере догадывалась, какую роль предстоит играть. А они наивно верили мужским речам и обещаниям тех, кто их сюда пристроил, надеясь потом подложить в постель вельможе побогаче и познатнее.

Думая обо всем этом, я поняла, что неплохо было бы сбежать «по делу». Из-под шерстяного одеяла вылезать не хотелось, но пришлось. Я поежилась, торопливо набросила теплую накидку прямо на ночную рубаху, ноги сунула в войлочные тапочки и, стараясь не скрипеть особенно дверью, отправилась в нужное помещение. В коридоре было еще более зябко, от каменных стен веяло столетним холодом. Нужник находился недалеко от нашей скромной кельи, всего три комнаты налево. Рядом с туалетным помещением, совсем рядом у входа была отдельная келья сестры Элизы, выделенная ей настоятельницей, как особенная почесть.

Как я поняла, наблюдая изнутри за жизнью в Шель, сестра Элиза имела здесь какой-то особенный статус. И дело даже не в том, что аббатиса доверяла ей, как самой себе. Во всем облике сестры, кроме холодного спокойствия, читалась какая-то истинная элитарность. Видимо, она была из очень знатного рода, раз все без исключения сестры поклонялись ей как можно ниже и старались беспрекословно выполнить все ее указания. Носила сестра себя всегда с достоинством, говорила мало и тихо, замечания делала только по делу и смотрела на всех слишком сурово. Уж не знаю, какие испытания выпали на долю этой, в сущности, еще не старой монахини, но ни разу не видела я, чтобы она улыбалась. И хотя отторжения к сестре Элизе я не испытывала, почему-то находиться рядом с ней было тяжело. Казалось, как ни держи ты ровно спину, как ни кланяйся идеально, никогда не достичь уровня этой монахини.

Думая о сестре Элизе, я добежала до уборной, и скользнула внутрь, прикрывая тонкую дощатую дверь. Помещение это было тёмное и студеное, в большей степени из-за того, что под самой крышей в туалете тоже было оконце, однако оно было открыто, чтобы ароматы зловоний

легко выходили наружу. От этого в нужнике было так же холодно, как и на улице, разве что здесь не гулял пронзительный апрельский ветер.

Стены помещения были побелены и едва уловимо пахли известью. Это напоминало детство в деревне, где стены сарая для животных тоже белили известью, чтобы обеззаразить помещение. У дальней стены в ряд были устроены сидушки. Под ними, как я поняла скрывалась общая яма, из которой все отходы уходили в глубокий овраг за стенами монастыря. Другой стеной отхожее место выходило во внутренний двор. У этой стены стояли бочки с водой, предназначенные для мытья.

Когда я уже завершила все свои «дела», то вдруг услышала на дворе какое-то движение - шум и гам. Обычно в это время все спали крепким сном, а тут ржали лошади, скрипели ворота и было слышно, как переговариваются люди.

"Что это за ночные гости в монастыре?" - удивилась я. Стало любопытно, но просто так выйти на улицу, чтобы посмотреть, что происходит, конечно, было невозможно. Во-первых, воспитанницам этого не разрешалось. А во-вторых, я была практически в исподнем, наспех прикрывшись утепленной накидкой, из-под которой все равно торчали голые икры в войлочных тапках. И поэтому я не нашла ничего лучше, чем выглянуть в окно нужника. То самое, которое выходило во внутренний двор.

Чтобы добраться до него, пришлось поставить на бочку с водой лавку, перевернув её ножками вверх и влезть на бочку. Чертыхаясь, что было также воспрещено в стенах обители, я подтянулась и высунула нос в зарешеченный прямоугольник, пытаюсь рассмотреть, что происходит на улице.

Бочка подо мной угрожающе качнулась, обещая холодную ванну для слишком любопытной послушницы. Но я поймала баланс и нашла положение, из которого наблюдать за происходящим вовне было относительно возможно.

На мощенном дворе гарцевали несколько лошадей. С них спешивались воины в плащах и по отделке я поняла, что это - стражники короля. Неужто сам Людовик явился в Шель? Вряд ли. Нет ни карет, ни сопровождения. Да и что бы ему тут делать среди ночи? А вот королевская стража вполне могла появиться в монастыре внезапно. И словно в подтверждение своим словам я заметила, как один из всадников спустился с лошади и повернулся к кельям лицом. Он снял шляпу, и я увидела, как черные волосы развеваются на ветру. Ох, разве могла я его не узнать?! Вмиг окатило жаркой волной воспоминаний - я точно помнила, что волосы д'Эстре, хоть и кажутся жесткими и грубыми, на деле мягкие, как шелк.

Я отшатнулась от окошка в испуге, что меня заметят, но просто так уйти не могла. Хотелось посмотреть на него подольше, хотя бы еще несколько минут, чтобы впитать образ. Как же я скучала по этому гадкому паразиту, любовь к которому чуть не стоила мне жизни!

- И все-таки, ночевать в монастыре у твоей сестрицы, кажется не лучшей идеей, Франсуа. - пробасил один из мушкетеров, и я вспомнила его по голосу. Это был тот самый стражник, что смеялся над братом короля в коридорах Лувра в первый мой приход в замок. - Этак мы всех монахинь распугаем.

- Элиза знает, что понапрасну я никогда не приезжаю. И раз мы здесь, то дело весьма серьезно. - устало проговорил мой любимый предатель, привязывая коня к столбику.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.